

Плата за рай

Урмат Саламатов

18+

Урмат Саламатов

Плата за рай

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Саламатов У. С.

Плата за рай / У. С. Саламатов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-09487-1

Основная идея книги показать насколько выбор каждого из нас влияет на жизни ближних, окружающих людей. Насколько судьбоносным он – выбор – может быть и сколько страданий может принести, если принимать его необдуманно. Также книга рассказывает о насущной проблеме сегодняшних людей – растущая нетерпимость к ближним, распространение негатива и недопонимания, точнее нежелания понимать. Постепенное исчезновение способности прощать, делиться, и созидать вместе – человек не замечает, как теряет эти святые чувства внутри себя, и не стремится возвращать это семя, этот лучик света, добра, который способен возродить страну, в своих детях. В книге затронуты темы о правде, несправедливости, корысти, непростительных поступках. О плате ни в чем не повинных людей за чужие грехи... о героях среди нас, их жертве за процветание нашей страны, за рай...

ISBN 978-5-532-09487-1

© Саламатов У. С., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

I	6
II	7
III	9
IV	11
V	13
IV	17
VII	18
VIII	20
IX	23
X	25
XI	28
XII	30
XIII	32
XIV	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Урмат Саламатов Плата за рай

*Слушает песню журавль,
А песню пишет ветер.
Пишет о том, что чувствует он.
Древо – восторженный зритель,
Не жалея листву, рукоплещет.
И на миг задумались люди,
Что у пьесы – трагедии жанр
И что актеры, увы, не играют.
А живут, вечную пьесу играя¹.*

¹ Стихи автора.

I

Тяжелые думы занимали его и без того болевшую от хронической усталости голову. Одна и та же мысль сводила с ума. Он плохо спал, потерял аппетит и стал раздражителен. Он чувствовал, что сегодня ему необходимо во чтобы то ни стало решить этот вопрос, тревожащий его уже неделю. Ему мешали противоречивые сигналы, поступающие изнутри. Чувства говорили, что эта особа – его рай на земле, и сердце его было в плену ее глаз. Он прилагал все усилия, чтобы заглянуть в будущее, в то будущее, где они вместе. Одновременно с тем здравый ум противился, оценивая ее репутацию и их возможную совместимость, склоняя чашу весов в отрицательную сторону. Его собственное реноме было под угрозой, и он пытался сопоставить цену, которую должен заплатить за попытку стать счастливым, с тем – стоит ли оно того, чтобы отдать все на свете. Неведомые до встречи с ней чувства похитили его разум. Он курил сигареты одну за другой. Спертый воздух душил его, не давая сосредоточиться. Его рубашка взмокла, и он прилег на кушетку. Закрыв глаза, представил себе безоблачную счастливую жизнь рядом с ней. Перед ним проплывали живописные картины их совместной любви. А кольцо, лежавшее в раскрытом футляре на столе, словно глядя на него, торопило его принять решение. Он резко встал и, распахнув настежь окна своей маленькой двухкомнатной квартиры, уставился в небо. Долго не сводил глаз с облаков, и губы его едва заметно шевелились, словно он с кем-то разговаривал. Постояв так минут пять, он, резко развернувшись, вернулся к столу, взял кольцо и быстро вышел из квартиры.

II

Петр Аристархович Пушкив был потомственным военным. Его отец, дед, прадед, да и весь род, память о котором передавалась из уст в уста, – все они положили свои жизни на алтарь военного дела. Пожалуй, не было войны, в которой не участвовала семья Пушкивых. Воспитание, кровь, генетический код – все способствовало тому, чтобы с юного возраста ребенок видел в военном ремесле свой удел. И, как правило, им не было равных на этом поприще... Если они не были первыми, то были одними из первых во всем: дисциплине, тактике, технической подготовке, одними из первых рвались в бой. Они не пытались выделиться из общей массы, но доблесть их была очевидна. Они не гнались за высоким статусом, должностными званиями и привилегиями, но стремились принести пользу своему народу и защитить родину, не щадя себя, своего здоровья и не задумываясь о собственном благополучии. Их истинная цель заключалась в том, чтобы показать, какие люди стоят за этой страной, из чего они сделаны и чем живут, чтобы голову врага больше не посещали мысли: идти ли на них войною.

Что касается Петра Аристарховича, то даже человек ненаблюдательный, взглянув на него – мужчину лет сорока, в расцвете сил, с суровым взглядом, высоким морщинистым лбом и квадратной челюстью, толстой, как у быка, шеей, густыми, до срока поседевшими бровями, коротко стриженного, подтянутого, с четкой выправкой, – мог бы безошибочно определить военного.

Во времена службы в армии Петр Аристархович выступал за свой взвод на соревнованиях по самбо². Не имея навыков и не владея техникой этого вида спорта, побеждал всех благодаря силе. Когда участники видели в списках его имя, каждый из них в глубине души осознавал, что борьба теперь фактически пойдет лишь за второе место. Сам же Петр Аристархович не любил демонстрировать свою силу, боялся покалечить, отчего прослыл среди своих добряком. Не было солдата в роте, который бы не любил его за простоту, за человечность. Еще в те времена о его стальных мышцах и доброте сослуживцы слагали легенды: «Так это ж Петька, его успокоить – не взвод, рота нужна!», «Если пленных не брать, то Петру Аристарховичу не воевать», – шутили солдаты; «Не нужно ружья, я всех пленю добротой своей», – подражая его басистому тембру, пародировали они. Петр Аристархович лишь отшучивался в ответ, что ему еще было делать? Не мог же он – солдат-отличник – обидеться и выйти, утирая слезы, из строя. И лишь только поистине близкие люди знали, что порой Петр Аристархович, сидя в курилке и прикрывшись огромной, на все лицо мясистой ладонью, грустит. Грустит о том, что predetermined было ему с детства стать военным. Сетую на судьбу, он представлял в своих тайных мечтах, как работает в цирке акробатом, а то и со зверьми, гастролирует по всему миру. Насладившись мечтами, как пирогом, и запив его иллюзиями, словно чаем, Петр Аристархович вставал и продолжал жить, не протестуя, но и не соглашаясь до конца с предначертанной ему судьбой, тяжело перенося груз суровой реальности – как следствие отсутствия выбора. И хотя его уставшие зеленые глаза говорили о готовности выполнить беспрекословно любой приказ, душа изнывала и рвалась на волю.

Все люди идут со своими мечтами, по пути, именуемому надеждой. У кого-то этот путь длиннее, труднее, тернистее, а у кого-то вовсе короток, легок и без препятствий. Кого-то в конце ждет успех, победа, триумф, неистовый фурор, признание, слава, материальное благополучие и общество, готовое раболепствовать, связи и комфорт, уют и роскошь. А кто-то в бесконечной гонке теряет себя, и в награду за стремление осуществить свои мечты полу-

² Самбо – *самозащита без оружия*, вид спортивного [единоборства](#), а также комплексная система [самозащиты](#), разработанная в СССР. Официальной датой рождения самбо принято считать [16 ноября 1938 года](#), когда Спорткомитет СССР включил самбо в число видов спорта, культивируемых в СССР.

чит разочарование, озлобленность на весь мир и впоследствии отречение от него. Зачастую наши мечты практически несбыточны, и прилагая все усилия к их осуществлению, мы можем обессилеть под грузом своей ноши, оказаться раздавленным ею. В определенном возрасте у определенной группы людей, в силу различных обстоятельств, этот синдром погони за мечтой усугубляется, а у иных притупляется – виною тому семья, дети, всякие обязанности и обязательства. У тех, у кого он усугубляется, начинается деградация личности. Мечты съедают заживо своего хозяина. Ведомые завистью, такие люди внушают себе, что время ушло и что они не достигли того, чего достигли другие. Когда они оглядываются назад, им в глаза бросается цена, которая была уплачена за достижение цели, и цена эта кажется непомерно большой. Вся эта погоня за мечтами напоминает скачки на лошадях. Все твоё небольшое состояние, которое ты так стремишься приумножить, твои моральные ценности, принципы, имущество, знания, одним словом, вся твоё жизнь поставлена на одну из двенадцати лошадей. Лошадь твоё превосходит силой остальных и бежит впереди. Но вдруг замечаешь ты, что начинает до срока уставать лошадь твоё, сдает свою позицию скачущей следом и меняется с ней местами. Гонка проиграна. В конце концов, лишь лишившись всего, ты, сокрушаясь в своих горестных думах, далеко от людей, понимаешь, что, хотя лошадь твоё и была сильнее других, но и седок ей попался тяжелее...

То, что случилось в две тысячи седьмом году, навсегда перечеркнуло надежды Петра Аристарховича на всякую иную деятельность, кроме военной.

III

Майские дни две тысячи седьмого года выдались довольно дождливыми. Флора города Бишкек расцвела как никогда. Многочисленные фруктовые деревья уже начали приносить первые плоды, а иные так покрылись листвой, что нельзя было увидеть и ствола. Бутоны цветов стали крошиться, норовя распуститься второй раз за сезон. Трава зеленая, извиваясь и переплетаясь, заполонила землю, а иная, пробивая асфальт, вырывалась наружу. Город надел свой самый красивый наряд в году, окрашенный в радужные цвета, чтобы возвестить всем, что настало время тепла и любви.

Девятое мая две тысячи седьмого года. День победы. Который год уже отмечался в стране этот праздник, хотя это никак не умаляло масштаб празднования великого дня. Множество военных машин, подобных тем, что участвовали в Великой Отечественной войне, тысячи лучших солдат, специально отобранных для торжественного марша – большая честь, которую нужно заслужить, – военные и ветераны заполнили центральную площадь города Бишкек. Военный духовой оркестр, не переставая, играл победные песни, заставляя молодежь волноваться, трепетать. И на глазах героев, переживших те страшные дни, можно было увидеть слезы. Лица людей были грустны от нахлынувших воспоминаний и, вместе с тем, радостны от того, что война осталась в прошлом.

На городской площади, на возвышении, под статуей Эркиндик³ можно было увидеть первых лиц государства со свитой, в окружении ветеранов Великой Отечественной войны, продолжавших служить Родине, действующих генералов армии и других высокопоставленных представителей власти. Грудь многих из них покрывали медали и знаки отличия. Но чтобы обладать такой привилегией – наблюдать за парадом из «партера», вам нужно было быть в составе правительства и непременно в милости у государя (без этого никак), либо же выиграть войну, либо просто являться родственником Президента.

Одним из тех, кто заслужил такое право, участвовав в войне, был генерал К., благодаря которому и Петр Аристархович тоже удостоился этой привилегии.

Генерал К. был уроженец села Корумду Иссык-Кульской области. Родился он в семье крестьянина-бедняка. Был закален холодом, голодом и отсутствием какого бы то ни было изобилия – всегда довольствовался минимумом. Никогда не жаловался, что нет еды; не злился на судьбу зимними ночами, когда не мог уснуть из-за холода, пробиравшего до костей через продрванное и обветшалое одеяло. Как это происходит со всеми сильными людьми, такие жизненные обстоятельства сделали его свирепым. Но какие бы тяжелые испытания и невыносимые преграды не являлись на его пути, он никогда не переставал верить, что в один прекрасный день его звезда загорится на небе и блеснет ярче остальных. К. грезил и всю юность ждал знака с неба. Знак он четко понял, будучи еще школьником, семнадцатого февраля одна тысяча девятьсот сорок третьего года, когда был призван в ряды Красной Армии и направлен курсантом на обучение на ускоренных курсах подготовки артиллерийского состава в Ташкентском пулеметно-минометном училище. Он воспринял войну как единственную возможность выбиться в люди. Рассматривал он эту возможность как палку о двух концах: либо жить по-человечески с почестями, заслужив уважение и признание, имея при себе средства для существования, либо уйти из жизни и лишиться судьбу возможности бить его кнутом, имя которому «бедность». В погоне за своим будущим К. участвовал в ожесточенных боях за освобождение Хемзы, Данцига, Штеттина, Пархума, Магдебурга и многих других городов. С одна тысяча девятьсот сорок третьего года по одна тысяча девятьсот сорок пятый годы участвовал в многочисленных сражениях в рядах действующей Красной армии. За выполнение боевых заданий,

³ Эркиндик – свобода (кырг.).

проявленную при этом личную храбрость и мужество был награжден Указами Президиума Верховного Совета СССР орденом «Слава» 3-ей степени и медалью «За победу над фашистской Германией». Главкомандующим Маршалом Советского Союза товарищем Сталиным И.В. генералу К. неоднократно объявлялась благодарность. В ожесточенном бою с фашистскими захватчиками 6 февраля 1944 года получил слепое, проникающее осколочное ранение мягких тканей левой поясничной области и левого бедра. Около двух месяцев находился на излечении в эвакуационных госпиталях в городах Харьков и Кемерово. Последствия данного ранения и невероятных тягот, перенесенных во время войны, сказывались на протяжении всей его дальнейшей жизни. По окончании войны был избран депутатом городского совета города Фрунзе, и в качестве депутата он оказывал немалую помощь соотечественникам. Генерал К. был лучшим другом Аристарха Ивановича Пушкиова – отца Петра Аристарховича Пушкиова, с которым вместе воевал и который геройски погиб в бою под Магдебургом.

После гибели матери Петра – Анастасии Пафнутьевны Пушкиовой, тяжело болевшей раком печени, генерал К. в буквальном смысле приютил Петра у себя дома. Дал ему все, что было необходимо для того, чтобы человек не потерял будущего: образование, воспитание, пропитание, крышу над головой и даже предопределил его дальнейшую судьбу, отдав учиться в военное училище, желая, чтобы тот пошел по стопам своего отца, да и по его стопам тоже. В силу строгости генерала К. выбора у Петра Аристарховича не было, хотя тот и любил его как сына. Генерал К. с самого начала дал понять Петру, что в жизни ничего не дается легко и что нужно биться за каждый вздох, секунду, миллиметр, чтобы чего-то достичь. Генерал К. в свободное время учил воспитанника тому, чему не научат в школе нынешние преподаватели. Правда, учил не осознанно, а скорее ненароком, размышляя вслух о бытии мира сего. В конечном итоге эти частые монологи выработали у Петра Аристарховича наблюдательность и чрезвычайную любовь к всяческого рода глубоким размышлениям. Иной раз разные мысли путали все в голове, и ему даже казалось, что он сумасшедший. Впрочем, к чему сокрушаться над неподвластным? Ведь эту любовь, как бы ему ни хотелось, он был не в силах изменить. Он не мог изменить ей, не говоря уже о полном, безвозвратном искоренении. Петр Аристархович был обречен от рождения влюбиться в тяжелые думы и в вечных попытках отыскать истину, в нескончаемой борьбе с самим собой, с необъятной надеждой в груди умереть и воскреснуть с ними в следующей жизни, в другом мире.

IV

Как мы уже упомянули, Петр Аристархович имел счастливую случайность оказаться среди героев – ветеранов Великой Отечественной войны. А также в окружении высокопоставленных лиц государства, родственников Президента и тех, кто за счет своего умения благоговеть перед нужными людьми и вовремя угодить их занимают важные посты и властные должности.

К этому времени Петр Аристархович уже имел звание подполковника и был в подчинении генерала К. Стоял он несколько позади генерала, и было ясно, что хоть и глядел на парадное шествие, но видел совсем другую картину. По его лицу то и дело пробегала судорога. Кулаки его сжимались от ярости и злости. Глаза сверкали, наливаясь горькими слезами, а иной раз потухали в раздумьях. Сердце билось учащено, и грудь вздымалась от напряженного дыхания; с возрастом это состояние становилось все заметней для него самого. Оно было вызвано его глубокими размышлениями, которые он временами ненавидел так же сильно, как и любил. Любовь, смешанная с ненавистью, – все равно что вода, разбавленная чаем. Когда они соединяются, то их уже не разделить и прежние субстанции не восстановить, процесс становится необратимым. Любовь в ненависти и ненависть в любви, пропитанные друг другом, составляющие и дополняющие одно другое – это особая форма чувств... Последняя стадия, обратная сторона, когда разгорающаяся любовь вдруг делает разворот. Когда вовремя не поставленная точка приводит к тому, что слова обесцениваются, но ты продолжаешь писать миллионы строк, и бессмысленная надежда съедает тебя изнутри. Когда ненависть просит убить ее ради любви... Это особая форма чувств, когда, отрекаясь от ненависти, ты обрекаешь свою любовь на смерть. Это та форма чувств, которая призвана убить твою душу, твое сердце, разум, сознание, и в последнюю очередь, когда у тебя ничего не останется, подарит тебе твою же плоть и призовет к жизни – чтобы убить потом снова.

Картины тяжелых, ожесточенных боев, гектары земли, залитые кровью, пролитой ради долга – защитить родину, отчизну и свои моральные ценности, всплывали перед ним, словно когда-то наяву с ним происходили. Петра Аристарховича вдруг охватила невероятная злость на людей, развязавших войну, на их невежество, алчность, жестокость, корыстные цели... Войну, унесшую с собой, по официальным данным, двадцать семь миллионов шестьсот шестьдесят тысяч человеческих жизней, а по неофициальным – куда больше. Выражение его лица свидетельствовало о тяжелом размышлении: брови нахмурены, на лбу проступили морщины, губы плотно сжаты. По неподвижному, напряженному взгляду можно было понять, что в голове Петра Аристарховича снова идут ожесточенные бои между истиной и предположениями. «Человечество заплатило непомерную цену за искоренение фашизма. Ах, этот тиран! Негодяй, что же ты наделал? Я уверен, что ты и представить себе не мог, что море крови станет памятью о твоей гнусной цели, и что ты утонешь в нем, пытаясь утвердить свое мировое господство», – размышлял Петр Аристархович, понурился. «Подумать только, двадцать семь миллионов шестьсот шестьдесят тысяч человек были принесены в жертву ради того, чтобы мир поборол нацизм. А ведь каждый из них жил своей жизнью: ел, пил, любил, мечтал, стремился, грустил, веселился, смеялся... Вот бы услышать смех двадцати семи миллионов шестисот шестидесяти тысяч человек! – чуть улыбнувшись, подумал про себя Петр Аристархович. – А ведь даже враг празднует нашу Победу. Признается, что освободили от фашизма! Но ведь, не дай Бог, победи «фашистский орел» «Серп и Молот», тот же человек, признающийся сейчас, что был введен в заблуждение, издеваясь и смеясь, понукал бы нас палкой в спину! Победи «фашистский орел», немецкий народ так бы ничего и не понял, ликуя и гордясь своим фашизмом. Установившийся режим ежедневно возвращал бы в душе каждого нацистскую поросль, которая бы выросла стеной, заслонившей людское милосердие; стеной, не дающей увидеть, что

путь фашизма есть путь тирании! И он не пошел бы против этой самой тирании, не боролся бы за других людей, за их жизни и за их права, Богом данные... А все потому, что сам был бы господином», – Петр Аристархович озлобленно сжал кулаки, готовый броситься в неравный бой один против целой танковой дивизии.

«Сейчас, конечно, ты признаешь, что спасли тебя от фашизма, но не оттого ли, что выбора у тебя не было? Не оттого ли, что малодушным ты слеплен? Горюешь по братьям-немцам, но пролил ли ты каплю своих, ничего не стоящих слез, за советского брата своего? Такого же от рождения, как и ты?! Понял ли ты масштаб потерь и ущерба, тобою причинённого? Узрел ли ошибочность призрачных целей, которым ты слепо верил?» – так Петр Аристархович, нещадно расточая нравоучения мнимому и столь ненавистному врагу, покидал центральную площадь города Бишкек.

Со временем, когда оглядываешься назад, все становится яснее и четче, чем в момент принятия решения. Очевидно и то, что немецкий народ в период Великой Отечественной войны следовал за лжепророком и его преступными идеалами. Он слепо, словно заколдованный, верил в свою правоту. Сейчас же он свободен от тирании, фашизма и их воздействия на умы людей. Благодаря СССР очи людей открыты, и они заявляют, что ошибались. Но не разорви СССР пелену на глазах немцев, они, возможно, до сих пор не смогли бы понять, что вера в свое превосходство над другими народами преступна. Одним словом, не спаси СССР разум жителей Германии, не направь его в правильное русло, то справедливо будет предположить, что ошибочно выбранный курс мог бы окончательно погубить их страну, их будущее. Как ошибочно выбранный курс способен потопить корабль в море, так же и Германия могла кануть в небытие. А ведь сейчас Германия – одна из самых богатых, благополучных и комфортных для проживания стран, с высоким уровнем сознания людей, толерантным отношением к другим национальностям и социальному статусу человека, с одним из самых низких уровней безработицы!..

Все, что сделало человечество в прошлом, мы имеем в настоящем, все, что мы сделаем в настоящем, получит будущее.

V

Время близилось к вечеру, когда парад закончился и люди стали расходиться. Почти вся доступная человеческому взору часть неба была затянута серыми тучами. С деревьев капали остатки послеполуденного дождя. Мокрый асфальт местами уже успел высохнуть. Впрочем, воздух был настолько чистым и свежим, что, вздохнув, казалось – через легкие проходит вся вселенная.

Петр Аристархович брел по тротуару одной из улиц Бишкека, названия которых давались ему с трудом. Он часто не придавал значения маршруту, из-за тяжелых дум, овладевавших им в пути. Нередко терялся и уже почти привык к этому состоянию оцепенения, в котором оказывался, вдруг очнувшись в незнакомом месте. Более того, он ловил себя на мысли, что ему нравится происходящее с ним. «Пожалуй, это одна из разноцветных мармеладок жизни: потерять дорогу домой, чтобы снова ее отыскать», – чуть улыбаясь от собственной, пришедшей на ум мысли, обычно уже найдя обратную дорогу, заключал Петр Аристархович.

Итак, как было сказано выше, Петр Аристархович брел по одной из улиц города Бишкек. Эта улица была имени Михаила Васильевича Фрунзе, она беспрерывно тянулась от перекрестной Ала-Арчинской до перекрестной имени Михаила Юрьевича Лермонтова. Без преувеличения можно было сказать, что в эти минуты, погруженный в свои думы, Петр Аристархович мог пройти, не останавливаясь и не вглядываясь в предметы, от начала до конца улицы, сам того не заметив. Так бы и случилось, не прекрати судьба его путь в бесконечность.

– Равняйся! Смирно! – кричал, в метрах пяти от Петра Аристарховича, мужчина маленького роста, с большим брюхом, карими глазами и землянисто-черными усами, в расстегнутом нараспашку военном пиджаке, улыбаясь и быстро подходя.

– Здравие желаю, товарищ!.. – почти машинально прокричал в ответ Петр Аристархович, стараясь разглядеть погоны приближающегося офицера. Его сознание, находясь в состоянии высокой концентрации для разрешения вопросов бытия, не успело переключиться на возникшую бытовую ситуацию. При этом он испытывал чувства человека, который, будучи согретым знойным солнцем пустыни, прыгнул в прорубь ледяной реки.

– Вольно, вольно, боец! – подойдя, мужчина крепко, но с некоторой опаской, присовокупляя к рукопожатию вторую руку, пожал руку Петру Аристарховичу. Его погоны говорили, что он полковник.

– Тьфу! Ты, что ли?! Напугал! – не считаясь со званием и не оказывая знаков внимания сверх тех, которые положены простому человеку, Петр Аристархович вернулся на прежний курс и, не опасаясь последствий неуставного поведения в отношении с вышестоящим офицером, продолжил свой путь.

– Да погоди ты, Петруха! – полковник почти вприпрыжку догнал Петра Аристарховича и, взяв за плечо, осторожно (движение не принуждало, а словно просило разрешения) развернул к себе лицом. – Есть предложение! – Предвкушая интерес собеседника, полковник расплылся в довольной улыбке.

– Не пью, не азартен, лгать тоже особо не умею, бескорыстен, честь имею, немногословен. Итак, чем могу служить моей полной противоположности? – небрежно подшутил над полковником Петр Аристархович. Основываясь на своем опыте общения с этой личностью, он знал, что единственный способ избавиться от столь нежеланного окружения (особенно когда тому что-то было нужно) – это полушутя-полусерьезно оскорбить его.

– Ну, зачем ты так? Я как друга хотел попросить... Я ведь тебе, Петруха, плохого никогда не предложил бы... – вроде бы обидевшись, продолжал полковник.

– Ладно-ладно, говори уже! Знаю тебя, еще минуту – и аплодировать тебе придется, – раскусив притворство собеседника, с видом человека, которому все надоело и который хочет быстрее закончить, велел Петр Аристархович.

– В общем, дело такое: баба моя Людмила – хороша собой, пышная такая вот! – полковник обрисовывал руками в воздухе ее силуэт. – Ну, в общем, ты понял! Так вот, люблю я ее очень си... – не успел он договорить.

– погоди, так женщину твою, кажись, Марьей зовут? – не дослушав, перебил Петр Аристархович.

– Машка-то моя месяц как сбежала от меня в Москву! – сказал полковник, понунив голову, блестяще изображая чувства, о которых на самом деле не ведал, – тоску и горечь потери любимой женщины.

«Правильно сделала! Будь я на ее месте, бежал бы в Сибирь, подальше от тебя», – подумал про себя Петр Аристархович. Но вслух произнес – с некоторой насмешкой:

– Смотрю, недолго ты горевал, а, Ильюха?

– Да нет же, ты все неправильно понял! Я с Людмилой давно знаком, вот в горе моем помогла, утешила. Жениться на ней хочу. Время, Петруха, идет, а мы не молодеем. Мне уже не тридцать и даже не сорок. Да и тебе тоже... – полковник вздохнул, искренне сожалея о бесцельно потраченных годах и отсутствии возможности наверстать упущенное.

– Ну, чего пригорюнился? Рассказал бы я тебе о том, что на все воля Божья и что горем делу не поможешь. Ведь не дело думать о том, чего уже не вернуть и не исправить. Да вот только не возьмешь ведь в толк! – Петр Аристархович расстроился, вспоминая неудачные наставления в адрес полковника и свои попытки направить его на путь истинный, слепить из этой живой горы шлака человека. Напрасные старания, растворившиеся бесследно в бермудском треугольнике чужой сущности. – Ну да хватит нюни разводить, говори, в чем дело или уйди с дороги! – Петр Аристархович был по-настоящему раздражен.

– Рассказываю, Петруха, рассказываю! Так вот, за Людмилой моей подруга увязалась – Лерка! Сердцем дьявол, пленяет красотой. Ей-богу, брат родимый, мамой клянусь, не видал красивей, и девица – огонь! Ей мужик, как ты, нужен – жесткий! Чтоб как сказал один раз! Как посмотрел один раз! – и она сразу поняла: либо продолжать, либо смерть!!! – последние слова полковник почти прокричал. – Я ведь хотел предложение сегодня сделать Людмиле Муратовне, – полковник от безысходности, ненароком раскрывая тайну, ударился в подробности. – Как полагается, стать, знаешь ли, на колено, чтобы просить ее руку и сердце. Речь даже подготовил. В этом, как его?.. – щелкая пальцами, он силился вспомнить. – Да как же там он называется?.. Ну, этот, который самый престижный, дорогой ресторан в Бишкеке? Тьфу ты, забыл! В общем, в этом самом ресторане я отдельное место забронировал, а там, сам знаешь, как с бронью туго, – нужен задаток. Успех или нет, а деньги не воротят; чистой воды бессердечность, так сказать. Да еще и предварительный заказ блюд, и про отдельный уголок не забыть, так сказать! Не будешь же при людях колени пачкать? Так вот, солидная сумма ушла только на подготовку: тому дай! этому дай! задаток оставь! А напитки! Напитки! – все более оживляясь, продолжал полковник. – Веришь, Петруха, я ведь ради нее всю зарплату потратил! Хотел сюрприз ей сделать, она-то ведь и не подозревает ничего, а тут!.. – Полковник опустил голову и помолчал. – Нет, Лерка хорошая, добрая девчужка, да вот только сегодня она лишняя... Ее заранее поставить в известность – так обрадуется за подругу и поведением выдаст себя. Не удержится, разболтает и сюрпризу не быть! А деньги-то и пропадут... – уже заранее, поддавшись воображению, скорбел о потраченных средствах полковник. Недовольный взгляд Петра Аристарховича стеснил его, и тот понял, что в сердечных делах о таких вещах и речи быть не должно.

– Впрочем, не в деньгах дело! – опомнившись, продолжил полковник. – Так сказать, сюрприз ведь главное в этом вопросе... Эм-м, так сказать, настроение, ощущение того, что

все ради нее... И память, память о самом моменте, о волшебных мгновениях, которые случаются раз в жизни... О восторге – вот что ведь действительно важно! Поэтому я и прошу тебя: отвлеки Лерку, своди ее куда-нибудь, а? В кино, в столовую, мороженым угости или просто прогуляйся с нею по Дзержинскому бульвару – сейчас это модно, потом проводишь ее до дома, и всего-то!

Петр Аристархович, зная натуру полковника, был удивлен его намерению жениться. Не то чтобы он не одобрял брачного союза, просто хорошо знал этого человека, который всю жизнь беспечно растрчивал данное ему от природы. При любом удобном стечении обстоятельств обманывал, притворялся и даже, по мере потребности, в зависимости от ситуации, словно хамелеон, перевоплощался в каких-то других людей, но ненадолго. Без колебаний предавался любому пороку, не задумываясь о последствиях. Его невероятная изворотливость, точнее будет сказать, беспринципность, аморфность позволяли ему пролезть в любую щель, в замочную скважину, в потаенные уголки души каждого из нас, где мы держим свои секреты. Отличительной чертой полковника было его умение находить выгоду в чем угодно.

Петра Аристарховича приятно изумило, что у такого человека такое светлое намерение. Петр Аристархович некоторое время размышлял, не замечая ничего вокруг. Он думал, неужели даже у таких людей, как полковник Илья М.С., есть светлые, человеческие, бескорыстные намерения. Он спрашивал себя, неужели у таких, как он, есть сердце, которое также трепещет в надежде утолить свою потребность в любви? Сердце, которое может тоже любить и быть разбитым? И вообще, может ли человек после сорока лет порока, лжи, ежедневных поисков личной выгоды, что непременно сказалось на его характере, взглядах, ценностях, вдруг исправиться из-за девушки по имени Людмила? А стало быть, из-за любви? Может ли быть такое, что душа полностью исцелилась от алчности? Что любовь переродит душу, и полковник станет другим человеком? Порядочным офицером? Таким, каким полагается быть настоящему воину? Неужели на все это способна любовь?.. И вдруг мелькнула у Петра Аристарховича мысль, что он знает многое про любовь из книг, историй, рассказов, но ни разу за всю свою жизнь сам не испытывал этого великого и опасного чувства. Он с трудом пытался вспомнить время, когда был близок с женщиной, но тщетно. Не мог вспомнить потому, что не познал чувства нежности, ласки и заботы. Чувства, ради которого не грех пожертвовать всем. Он не знал женщин, во всех смыслах этого слова... Опустил голову, прижал подбородок к груди. Немой взор его был направлен вниз, Петр Аристархович словно пытался увидеть сквозь землю ее раскаленное ядро. Он был раздавлен... Дума эта оказалась для него непосильной. Его возраст перевалил за сорок, и надежда обрести настоящую любовь, словно солнце на закате, уже исчезала за горизонтом.

– Ну, так что? Поможешь, Петруха? – не выдержав, полковник прервал затянувшееся безмолвие Петра Аристарховича.

Петр Аристархович очень устал после долгого пребывания на ногах. Торжественный марш, который он так любил, утомил его. Он жаждал отправиться домой и прилечь, чтобы восстановить силы, так что последние вопросы полковника слышал отдаленно, словно находился под водой. Некоторые слова и предложения вовсе пролетали мимо ушей.

Услышав вопрос, ответ на который решил бы все дело, Петр Аристархович сделал над собой усилие. Словно только что проснувшись, он огляделся по сторонам, пытаясь понять, что от него хотят. Немного придя в себя, изрек:

– Я от всей души поздравляю тебя, Илья, это серьезный шаг в жизни! Пусть он окажется судьбоносным для Людмилы, а для тебя станет поворотным пунктом в жизни, – искренне, от всего сердца поздравил полковника Петр Аристархович и, развернувшись, быстро пошел прочь.

– Спасибо, но... Так... как же?.. Петруха?! Петь! Петя!!! – недоумевая, топтавшись на месте, кричал ему вслед полковник.

Петр Аристархович после разговора, вызвавшего у него тяжесть на душе, счел нужным поскорее удалиться, чтобы не испытывать при полковнике сокровенных чувств, поскольку последний при первом же удобном случае скорее всего использовал бы эмоциональность Петра Аристарховича себе на руку.

– Стой, Петруха! Стой же, родимый!!! – продолжал кричать полковник и вдруг побежал догонять.

Петр Аристархович шел быстро, словно убегал от дьявола. Он сетовал на себя: «Зачем я с полковником заговорил? Зачем слушал его?» Но еще больше Петра Аристарховича интересовал вопрос: почему его так взволновала сейчас тема любви? Оттого ли, что с ним ничего подобного не случилось? Оттого ли, что он жаждал любить, лелея это чувство в мечтах? Оттого ли, что вероятность этой самой «бессмертной любви» ничтожно мала и что возраст оставил ему считанные годы, чтобы найти свое?.. Петр Аристархович не мог ответить на эти вопросы, он не мог задать сам себе правильного вопроса, чтобы начать искать правильный ответ. Он непреодолимо жаждал очутиться в тихом и темном месте, наедине со своими мыслями, чтобы спросить себя и, смакуя свою думу, искать ответы. Он почти ушел от полковника, но вдруг пораженный, словно ударом молнии, остановился, услышав его слова:

– Некого мне больше просить... Нет у меня никого, кроме тебя!.. А те, кто знают меня, даже слушать не станут, сам понимаешь... Если не ты, то никто! – с давящей болью в груди, без свойственного ему притворства, откровенно, почти что с мужеством признавался полковник.

Петру Аристарховичу стало его жалко, и он оценил ситуацию. Он знал, каких усилий стоит признать унижительную для себя правду, и что на это не каждый способен. Но более всего удивился тому, что полковник пошел на такое унижение ради женщины – своей Людмилы.

– Ну, показывай, где там эта Лерка!.. – положив руку на плечо полковнику, произнес, улыбаясь, Петр Аристархович.

IV

Они были ровесниками по возрасту. И если говорить о разнице в числе звезд на их погонах, нужно отметить, что это был именно тот случай, когда два подростка, учившихся вместе в одной школе, затем служивших в одной армии, окончивших одну школу милиции, одновременно устроившихся в правоохранительные органы, стояли на служебной лестнице на разных ступеньках. Объясняется это просто: Петр Аристархович не смотря на возможности быстрого продвижения по службе, которые Генерал К.

вполне мог устроить, добился всего сам, он шел по карьерной лестнице шаг за шагом, не прыгая через головы и никогда не забывая про неписанный кодекс чести офицеров. За это его и любили – за честь, которая для него всегда была гораздо важнее, чем выгода. Полковник Илья М.С. же был, напротив, другого склада. Он всегда руководствовался, в первую очередь, выгодой. Для него такие понятия, как честь, доблесть, достоинство, стояли на втором и даже на третьем месте. Разумеется, если представлялся удобный случай блеснуть перед руководством без какого-либо ущерба для себя, он с радостью играл спектакль. «Короли» были в восторге, но вот народ его не любил. Это сравнимо со спектаклем, в котором богатый, никогда не испытывавший нужды, голода, холода, страха актер играет бедного. Но самое главное заключалось в том, что зрителями такого спектакля были настоящие бедные. Они знали, как человек, испытывающий голод, по-настоящему корчится от боли в желудке, как выглядят глаза детей, просящих милостыню, и бездомных, страшущихся зимы, – обреченных на тяжелую, мучительную смерть. Зрители безошибочно могли определить своих собратьев по отличительной черте – чувству потерянной надежды, сидящему в каждом из них. Это чувство не просто не было свойственно полковнику, тут больше: услышь он в обществе про такое, не понял бы, о чем вообще идет речь. Но даже при этом никто и никогда не поверил бы, что полковник не ведает, потому как он – магистр обмана и перевоплощения – искусно используя свой ядовитый талант, демонстрировал перед слушателем полную осведомленность и создавал иллюзию эрудированного человека. А тем временем нищим не приходилось притворяться. Они как собратья по горю, сплотившись и изнывая в нужде, пытались выжить. Эта именно та категория людей, разочарованиям которых нет предела. Нуждающиеся, которые взывают к Богу, молят единственного, кто может спасти, а иные и намеренно забывают про него в отместку за то, что он их оставил...

Полковник Илья М.С. был оборотнем, волком под покровом ночи. Имея целью двух овец, он мог перерезать всю стаю из восьми волков, в которой вырос, которая его приютила и защищала, только чтобы овцы достались персонально ему – чтобы наестся. Он делал это инстинктивно, и это давало свои плоды – у него были покровители. Не нужно было усилий, чтобы заметить над ним незримую руку, которая тянула его кверху, словно подъемный кран. В отличие от Петра Аристарховича, который карабкался по карьерной лестнице собственными силами, полковник подвешенный к тросу этого крана, не имел твердой почвы под ногами. И оборвись трос – полковник упал бы в бездну отчаяния, скорее всего, в форме алкоголизма.

VII

Не прошло и получаса, как Петр Аристархович расстался с полковником и шел по бульвару Дзержинского в компании с Леркой – соответствовавшей описанию полковника красавицей, очень рослой, почти на голову выше Петра Аристарховича и настолько же живее в движениях и поведении. Провожая Лерку домой, Петр Аристархович большей частью отмалчивался, заняв, так сказать, оборонительную позицию, но необходимости в том, как он понял позже, не было. Лерка сама всю дорогу молчала, только изредка исподлобья поглядывала на Петра Аристарховича и тут же, прятала взгляд. Это напомнило ему взгляд пойманного, еще не признавшего свою вину преступника, всеми силами силившегося скрыть правду. Напомнило и тех людей, с которыми он работал всю свою жизнь. Людей, обуреваемых надеждой на возможное отсутствие доказательств их деяний, на положительный исход следствия в их пользу. Людей, находившихся в состоянии внутреннего напряжения.

Возможно, это столь противоречащее рассказам полковника поведение Лерки объяснялось тем, что она стеснялась своей репутации в обществе с ним. А быть может, ей понравился Петр Аристархович, и она просто робела, не решаясь показать свой интерес к мужчине, как и положено уважающей себя женщине. Можно предположить, что она разглядела в нем что-то особенное, что-то, что позволяло ей заключить – он не такой, как все. Возможно, она увидела в нем именно того человека, который примет ее такую, какая она есть, со всеми достоинствами и недостатками, с ее прошлым и настоящим. Вероятно, именно поэтому она терялась, пытаясь вести себя скромнее и почтительнее. А все потому, что преследовала цель – не упустить из рук трепещущийся на ветру билет на последний уходящий поезд ее жизни. Но, не смотря на все, через некоторое время она заскучала и, поняв, что Петр Аристархович из тех людей, которые могут молчать все время, находясь в любой компании, решила взять судьбу за рога.

– Скажите, а это очень тяжело?..

– Что именно?

– Так долго молчать? – изобразив обиду, спросила Лерка.

– Я немного задумался, прошу меня... – не успел договорить Петр Аристархович.

– Не стоит извинений! Я пошутила, – польщенная почти принесенными извинениями и в наивысшей мере удовлетворенная от сознания, что он испытывает то же, что и она, Лерка продолжила: – Я имела в виду не вашу молчаливость, а вашу работу. Тяжело быть военным?

– Быть военным? Не знаю ничего легче, – не смотря на Лерку, как бы давая ей понять, что эта тема не самая удачная и интересная для беседы, демонстративно уйдя вперед и заставив его догонять, ответил Петр Аристархович.

– Не убедили! Мое мнение остается прежним. Я решительно настаиваю. Ей богу, нет ничего тяжелее, чем каждое утро вставать в пять утра... И почему военные не могут вставать попозже, в десять, например? Не забудьте про беспрекословное выполнение приказов, причем, как я слышала, любых?! Это немыслимо и... и... и утомительно в конце концов! Вот скажите, Петя, если вам отдадут приказ, выполнение которого приведет к вашей гибели, и вы будете заранее об этом знать, вы все равно его выполните?

– Разумеется! – не задумываясь, ответил Петр Аристархович, пытаясь чуть прихвастнуть своей смелостью, отчаянием и бескомпромиссностью. Ввиду своей привычки выполнять все безупречно, военное дело, несмотря на ненависть Петра Аристарховича к нему, вжилось в его плоть и кровь, и он инстинктивно, не отдавая себе отчета, защищал устав.

– Вздор! Не будьте безрассудны, Петенька, ведь я вижу, что вы не такой, как все эти мужчины, особенно эти военные! – почти кипя от внутреннего гнева и презрения, произнесла Лерка.

– Я поражен вашими познаниями в военном деле, – Петр Аристархович попытался сгладить комплиментом невольно возникшую нервную ситуацию, которая грозила, незаметно для них обоих, перейти в ссору. – У вас много друзей военных?

– Друзей военных? Нет, ни одного! Эти сволочи – обманщики и душегубы, не достойные дышать моим запахом!!! – Лерка не на шутку разгорячилась, чуть ли не изрыгая языки пламени. – Но не будем о плохом! – И она выдержала паузу, которая понадобилась ей, чтобы прийти в себя и вспомнить, где она и с кем. Затем, как ни в чем не бывало, продолжила: – Итак, почему вы решили стать военным?

– Я не решал. За меня все решили. А возможно, все было решено еще и до моего рождения. У меня не было выбора, – понурился, почти шепотом, едва ли не себе под нос проговорил Петр Аристархович.

– Ну, право же, Петенька, это уж совсем бред, ведь выбор есть всегда, – насмешливо и в то же время с нежностью, неуместно кокетничая, почти жалея и прощая ему его невежество, сказала Лерка.

– Если выбор есть всегда, тогда почему же вы выбрали этот путь? Почему предпочли судьбу, м-м, популярной в обществе мужчин женщины? – озлобленно отвечал на язвительный для него вопрос Петр Аристархович.

– Извините, Петенька, но вы провожаете меня вот уже два квартала не в ту сторону. – И с этими словами Лерка, развернувшись, стала быстро удаляться. Но вдруг вернулась, снова подошла к Петру Аристарховичу. – Ваше замечание о моей судьбе – чистая правда, но, видит Бог, вы заслужили! – последние ее слова сопровождала невероятная по силе пощечина, данная Петру Аристарховичу.

От неожиданности того немного пошатнуло. Оцепенев, Петр Аристархович в нерешительности стоял и смотрел на удалявшийся, безупречный силуэт Валерии Афанасьевны Мотыленко.

Через месяц они поженились.

VIII

Валерия Афанасьевна Мотыленко была весьма противоречивой натурой. Ее репутация была двоякой, и в обществе никто ничего не мог сказать про нее однозначно. В некоторых весьма авторитетных кругах о ней отзывались положительно и не могли припомнить ничего, кроме добрых качеств, вызывающих уважение у окружающих. В то же время в кругах приземленных, ниже которых нет и быть не может, в кругах порока, разврата и обмана, ее лик вспоминали иначе. Похитительница мужских сердец, распутная девка, порожденная в одном из кутежей сатаны, и уже в отрочестве его переплюнувшая – эту Валерию здесь знали, жаждали и любили.

Одно время среди простого люда, да и не только, бытовало мнение, что Валерия Афанасьевна – дьявол, чей удел развращать мужчин и подавлять их волю. Разумеется, доля правды в этих рассказах все же была, но, учитывая нескончаемые вереницы поклонников, слухи были скорее преувеличены. Злопахательницы, которые страдали язвенной нехваткой мужского внимания, чувствовали себя обворованными. Они на уровне подсознания, без слов, своим животным инстинктом чувствовали, что проигрывают битву за мужчину. Неоспоримое превосходство Валерии вызывало в окружающих ее женщинах зависть и озлобленность, что и порождало небылицы про ядовитую девицу.

Как бы там ни было, многие из простых мужчин города верили, что ей нет равных в злодеяниях и грехах, в коих она не каялась. Многие ощущали этот невидимый, опасный ореол порока над ее головой. Мужчины невольно ощущали какое-то непонятное притяжение к ней и не могли противостоять. Справедливости ради стоит отметить, что находились замороженные, которые силились отыскать противоядие, снимающее ее чары, но безуспешно. А женщины, чувствуя, что ничего не могут противопоставить колдовству Валерии, проигрывали еще до начала состязаний. Они просто-напросто не могли сравниться с ней по красоте, загадочности и непредсказуемости. В присутствии Валерии их существо однозначно тускнело. Они становились тем самым фоном, который оттеняет основной элемент картины.

Слухи о Валерии, очевидно, являлись закономерным следствием ее переменчивого настроения, ее норова и ярко выраженной личности. Но кто бы что ни сочинял, одно было очевидным – общество влияло на нее так же сокрушительно, как она впечатляла его. В разных компаниях ей передавалось настроение окружающих, и она вела себя абсолютно неожиданно и весьма по-разному с теми или иными людьми. Не стеснялась поддержать свою репутацию немислимыми, уму непостижимыми, по мерке стыда, выходками. А в нужный момент – измениться и проявить утонченную деликатность, соблюдая приличия и этикет. Это свойство ее весьма переменчивой природы вводило в заблуждение большинство знатных особ и потенциальных завидных мужей. Ее невероятная красота побуждала к действию даже самых именитых, породистых мужчин города, и потому репутация оставляла желать лучшего. Женитьба на этой особе могла рассматриваться как официальное признание себя безумным. И все они знали, что это будет непомерной платой и ударит по их положению в обществе. К счастью для Валерии, ее совсем не интересовали трусы, трясущиеся над древними пергаменами своей родословной, а тем более идиоты, искренне верящие в какой-то особый «высший» смысл при выборе спутника жизни.

Правды ради стоит отметить, что слухи о Валерии являли собой не что иное, как криво-толчки, и верить в них было удовольствие для дураков. Но даже смышлённый человек, слыша пару и более нелепых рассказов про «чудовище» заключал, что они появились неспроста. И все они – как орудия достижения определенных целей – являлись искаженными. Одни были намеренно преувеличены, другие преуменьшены. Истина же заключалась в эксцентричности

Валерии. Она была просто раскована – до тех границ, в пределах которых чувствовала себя комфортно.

В глубине души Валерия чувствовала себя великой актрисой божественного театра и ради правдоподобного исполнения роли шла на грандиозные перевоплощения. Она неукоснительно придерживалась высоких моральных ценностей, любила живопись и посещала все культурные мероприятия, использовала высокопарный слог, выливающийся в эффектные речи, олицетворяла собою нежность, плавно двигалась и грациозно мыслила. В кругах более свободных ругалась как сапожник, пила спиртное больше иного мужика, участвовала в пьяных, грязных, потных оргиях, обольщала, обманывала и крала, угрожала, шантажировала, спала в неглиже в общественных местах, спорила на деньги, дралась, даже участвовала в противоправных деяниях. Но стоит отметить, что она всегда играла выдуманных ею персонажей. Возможно, это объяснялось ее молодостью и поиском себя как личности. А быть может, это было вызвано ее страстным желанием проведать все на свете, чтобы с уверенностью говорить об этих делах как человек, знающий, переживший. Как бы там ни было, она еще ни разу ни прислушивалась к своему сердцу. И, не смотря на богатый жизненный опыт и пережитые события, так и не смогла понять, что действительно хочет взять для себя в этой жизни, пока не встретила Петеньку.

Слухи и бытующие, сложившиеся в умах убеждения рушились, когда Валерия Афанасьевна, словно праздник, являла себя обществу, чтобы люди насладились ее совершенством. Красота Валерии была очевидна. Одни только глаза – большие, пронизательные, всепоглощающие напоминали наполовину взошедшее солнце, а цвет их был между зеленым и серым – они очаровывали и превращали толпы мужчин в рабов, готовых на все только ради возможности вдохнуть воздух, которым эта женщина дышала. Но ее истинная красота заключалась в гармонии всех составляющих, и в результате сильные стороны Валерии Афанасьевны, с точки зрения эстетики, отвлекали внимание от ее слабых мест. А чувственные и гармоничные движения вызывали в людях впечатление грациозности натуры. И, несмотря на различие людей во вкусах, все без исключения находили ее красоту божественной. При ее появлении в обществе в глаза бросался исполинский для женщин рост в сто девяносто два сантиметра. Ее приход всегда в первые секунды сопровождался молчанием. Волнистые от природы огненные волосы спадали до тонкой талии. Великолепный стан продолжали крепкие изящной формы бедра. Ее красивая длинная шея еле выдерживала тяжелые жемчужные ожерелья, золотые и прочие украшения, подаренные ее неисчислимыми поклонниками. Ее внешность была незаурядной, а ее умение себя преподнести, держать осанку, грациозность движений, величавость, уверенность в себе и некая отрешенность, даже в некоторой степени беспечность, придавали ей шарм и превращали в богиню.

В кругу людей попроще, как уже было сказано, она отплясывала в неглиже, извиваясь, как змея, и скалясь, как львица, чтобы после впитаться в мужскую глотку и насытить свою жажду порока. В этих кругах она была богиней, богиней сладострастия, вожделения и греха. Ее чары манили совершить грех, соблазняли, как комара соблазняет яркий свет. Какой-нибудь юноша-программист, который еще толком ничего не познал в жизни, кроме своего компьютера, и которого до встречи с ней ничего не интересовало, кроме компьютерных программ, случайно забредший «на огонек», в одно из порочных и грязных мест, где попадал в ее объятия и срывал невинный поцелуй, в конечном итоге превращался в сумасшедшего убийцу-рецидивиста ради возможности все повторить. Она была как наркотик для наркомана. Все хотели бросить ее, но лишь в глубине души. А на деле при встрече с ней жаждали наслаждения, не задумываясь о неизбежной расплате в последующем. Она похищала сердца и складывала в мешок, где уже лежала не одна сотня подобных.

Это все напоминало картину, где Валерия Афанасьевна бежит по полю с цветами, руками невольно хватая их и попутно срывает. Взор ее устремлен в небо, и она не придает значения

тому, какой цветок погубила. С мужчинами все было в точности так же – с тем отличием, что вместо поля цветов имелось поле мужских сердец.

Петр Аристархович явился в этом поле небольшим камнем, о который беспечно бегущая Валерия Афанасьевна споткнулась и упала наземь. Встав, и отряхнувшись, она пригляделась и узрела в камешке алмаз, который может стать в ее жизни обработанным бриллиантом. Этот камень заставил ее понять, кем она хочет быть, за что должна бороться, что ей нужно делать, как она хочет прожить и за что умереть. Ее моральные ценности были переосмыслены. Она поняла, для чего нужна ей красота и женственность. Валерия Афанасьевна будто обрела истину, свет, указывающий ей единственно верный путь среди множества ложных. Началось удивительное, почти невозможное – разве что в сказках – превращение «чудовища» в человека. Она покончила с праздностью, сумасбродством, мотовством и кутежами раз и навсегда. И более не жаждала приключений, славы, сумасшедших взглядов и поклонения; более не желала быть божеством. Она верила, что ее ждет светлое будущее, и имя ему Петр Аристархович. Она чувствовала, что этот мужчина, словно переключатель на перепутье, сменит ее темную полосу жизни на светлую. Озарит и привнесет в ее жизнь тепло, нежность, заботу и уверенность в завтрашнем дне. Он был для нее именно тем, что она искала все эти годы, словно лекарство от напасти, позволяющее устоять перед соблазном праздной жизни. Валерия Афанасьевна искренне верила, что все горести этой жизни она преодолела ради него.

Она влюбилась в Петра Аристарховича с первых секунд, без промедления. Она обрела чувство, которого доселе не знала. Она была повелительницей сердец и искала того, чье сердце ей неподвластно, чтобы покориться самой. Валерия Афанасьевна была готова на все, и, найдя прошлую свою жизнь неуместной и недостойной Петра Аристарховича, пожертвовала ради него любимым образом жизни. Она считала бартер, в ходе которого получала великую любовь к мужчине, достойной платой за свою маленькую любовь к грехам. Она строила планы и грезила о будущем. О совместной жизни, о детях, о том, как будет скучать, ждать любимого человека с работы, а затем крепко обнимать и ласково шептать на ушко, что день был долог, что она томилась в ожидании, и что крепкие объятия мужа есть достойное вознаграждение за испытанные муки. Она хотела стать праведной, избавиться от всех пороков, заточить свою свободолюбивую душу в казематы памяти, принести себя в жертву с одной только целью – сохранить любовь в чистом виде. Желание было настолько сильным, что через неделю ее перевоплощение потрясло практически всех знакомых ей мужчин. Она не только благочестиво выглядела, но и вела себя так, будто никогда не ведала о той жизни, которая осталась в прошлом. Хотя пороки на самом деле не прошли для нее бесследно, ее красота и великолепная внешность не пострадали⁴. Как это обычно бывает в узких кругах, новые слухи начали быстро распространяться. Весь люд теперь говорил о том, что Валерия Афанасьевна Мотыленко возродилась.

⁴ Автор иронизирует в контексте сюжетной линии романа Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея».

IX

Валерия Афанасьевна Мотыленко, бедная Валерия Афанасьевна Мотыленко не всегда была такой разнuzданной.

Ее мать Екатерина Сергеевна Иванова, будучи труженицей тыла во время Великой Отечественной войны, а позже сборщицей урожая картофеля в колхозе Карла Маркса Иссык-Кульской области Кыргызской Республики, сама пыталась привить дочери любовь к хозяйству. Воспитать в ней уважение к труду. Мать верила, что именно тяжкий труд, к которому она привыкла с детства, сдерживает демонов внутри человека, учит добродетели, покорности и благодарности.

Ее отец Афанасий Кириллович Богданов, ветеран Великой Отечественной войны, несмотря на полученные ранения в сражениях, которые привели к потере правой руки, не уповал на свою инвалидность, не отлеживался за счет государства, а работал – и не просто работал, а работал в поте лица трактористом. Послевоенное время было трудным для всех, но Афанасий Кириллович трудился безропотно. Его, как и большинство людей, воодушевляло желание отстроить страну заново и поскорее устранить последствия послевоенной разрухи. Участие каждого и добросовестный, самоотверженный труд способствует достижению цели – становлению сильной страны, будущему процветанию – эти мысли, искусно имплантированные государством в головы граждан, сделали свое дело – народ, не жалея живота своего, боролся за идею создания лучшего места на земле. Лучшего, могучего государства, где не будет голода, бедности и насилия, и будет всеобщее равенство. С этой мыслью Афанасий Кириллович, несмотря на то, что мог бы без угрызения совести, абсолютно заслуженно уйти на покой, шел в поле, чтобы отдавать свои жизненные силы строительству социализма – увы, этой мечте не суждено было сбыться. Работал, не покладая рук, как и Екатерина Сергеевна, впрочем, как и все, пережившие военные годы. Трудились с утра до ночи, чтобы обеспечить выполнение планов по восстановлению разрушенной экономики. Думали: вот, чуть-чуть осталось, и все восстановим, а потом и отдохнем. Но после выполнения одного плана следовал другой. План по модернизации страны – и вновь приходилось жертвовать; работа та же самая, только цифры больше и лозунг другой.

Афанасий Кириллович и Екатерина Сергеевна, несмотря на сложности, ввиду своего кропотливого труда и маниакальной безжалостности к самим себе стали передовиками производства. Служили примером для остальных. Однажды приобретенный статус не позволял им ударить лицом в грязь, и во избежание отставания они работали еще усерднее. И так шло время. В погоне за планами здоровья больше не становилось, а дети росли...

Афанасий Кириллович в вопросах воспитания был солидарен с мнением супруги, но не снисходил до нравoчений. Он непомерно любил Екатерину Сергеевну и своих детей. Проводя целые дни вдали от них, он хотел насладиться их обществом и создать непринужденную обстановку, когда чувствуется, что он – хороший отец, супруга – любимая и любящая его женщина, а дети – плоть от плоти, которые любят и будут любить тебя при жизни и скучать по тебе после ухода в мир иной. Которые будут радовать тебя до глубины души своими достижениями и так же сильно огорчать своими неудачами, но которых ты будешь любить, несмотря ни на что. Эта та самая – безграничная любовь родителей, которая ослепляет их и не дает увидеть правду. Та любовь, в которой нет слова «нет» и где царит вседозволенность для своего чада. Тот случай, когда родители, чрезмерно умиляясь своими детьми, таким образом убивают их. Та любовь, которая подобна бомбе замедленного действия, и таймер ее невозможно остановить.

У Валерии было два маленьких брата близнеца – Антошка и Гришка. Чудные сорванцы, которыми они впоследствии стали, познакомили Валерию с такими вещами, как ответственность, обязанность и долг. Как уже говорилось, родители пропадали до поздней ночи на полях,

работая, не покладая рук, ради будущего детей, ради будущего страны. А тем временем Валерия, едва ей исполнилось шесть, уже примеряла на себе фартук. Она впитала идеи своей матери. Она видела и понимала, чем жертвует ее отец и восхищалась им и его самоотверженностью в деле достижения прогресса. Она гордилась своей матерью – отважной женщиной, передовиком. Гордилась своими родителями, и, несмотря на периодический голод, была рада тому, что родилась в этой семье – семье героев. Ей казалось, что боль в желудке от голода – это и есть та жертва, которая возносит тебя на священный алтарь и делает мучеником. Она с легкостью перенимала общее настроение общества. Старалась соответствовать своим родителям и быть примерной, самоотверженной дочерью. И это ей прекрасно удавалось. Но в отличие от взрослых, которые верили во все, что делали, Валерия воспринимала их деяния как игру взрослых, просто от того, что в силу своего возраста не до конца все понимала. Она в совершенстве овладела искусством хозяйствования и вырастила младших братьев. Когда ей исполнилось четырнадцать лет, ее отец, сидя подвыпившим за праздничным столом, который она накрыла для семьи, умилялся ею, удивлялся, как она выросла и какой прекрасной стала, и, не удержавшись, прослезился при мысли, что скоро она покинет отчий дом.

Уже в десятилетнем возрасте соседи стали замечать небывалую красоту Валерии и пророчили ей раннее замужество. Молва о ней разлетелась по соседним селам. Как это обычно бывает при передаче информации из уст в уста, описание оказалось гиперболизированным: люди из окрестных районов стали специально приезжать в никому не известное село Карл Маркс, словно в зоопарк, лишь бы взглянуть на эдакое чудо, растущее в семье Афанасия Кирилловича. Те, кто проделывал большой путь, обычно бывали влюблены в дитя еще до приезда – из-за того, что уже были настроены соответствующим образом.

Малодушные люди правду искажают, приукрашивают и преувеличивают лишь ради самоутверждения. Они хотят быть нужными, быть в центре вселенной, в гуще событий. Но их умения весьма ограничены, и эти люди вынуждены привирать, чтобы произвести впечатление изумительного рассказчика. Они преследуют цель – повлиять на своего слушателя, зародив в его душе непреодолимое желание и жажду познания не из благородных побуждений, а чтобы возвеличить себя самих и продемонстрировать степень полезности знакомства с ними. Желая слыть осведомленными в вопросах, касающихся общего кругозора и бытия рода людского, их вранье достигало почти непревзойденных высот. Так, из их уст Валерия стала чуть ли не дочерью Бога. Люди ехали, чтобы обрести веру в чудо. Вечная надежда на чудо ломает нам ноги из-за того, что очи наши смотрят ввысь.

Однажды семье Богдановых был нанесен визит приезжими из Казахстана и даже из самой России. Это обстоятельство озадачило Афанасия Кирилловича и его супругу. Они не на шутку переживали за судьбу дочери и боялись, как бы с ней чего не случилось. Число визитов в дом Богдановых возросло настолько, что родителям даже пришлось прятать Валерию на время в чулане, объясняя это игрой. Мысли о том, как все это прекратить, извели Афанасия Кирилловича. Тем не менее, вопрос неожиданно разрешился сам собой.

Х

Одним теплым майским вечером, на закате дня, когда на землю нисходит благодать и по особому пахнет трава, дом Богдановых встречал дорогого для Афанасия Кирилловича гостя из села Бостери Иссык-Кульской области – Арсена Касеновича с пятнадцатилетним сыном Тилеком. Арсен Касенович, также ветеран войны, воевавший бок о бок с Афанасием Кирилловичем с самого начала и до победы, был по совместительству учителем кыргызского языка и очень скромным, но отважным человеком. К слову, Афанасий Кириллович ощущал себя младшим братом Арсена Касеновича и любил его неимоверно – за непоколебимый дух и стойкий характер. Бывало, в окопе от холода, голода и грустных воспоминаний о семье, жене, детях, об убиенных товарищах рыдает навзрыд целый взвод, а Афанасий Кириллович громче всех, и лишь Арсен Касенович усилием воли не дает минутной слабости одолеть себя. Афанасий Кириллович был благодарен Арсену Касеновичу за время, которое тот скрасил благодаря блестящему уму и разностороннему воспитанию. За бесконечные истории, притчи и пословицы, которые помогали выдержать и пройти весь путь до победы. За кыргызский язык, которым удалось овладеть с подачи Арсена Касеновича и который в процессе изучения возвышал до небес, заставляя забыть о земной грязи кровавого цвета. Афанасий Кириллович был благодарен Арсену Касеновичу – за то, что выжил, за то, что один из них стал опорой для другого.

Вечер близился к концу. Афанасий Кириллович, несмотря на скромный повседневный образ жизни, определенный его скромным доходом, не скупился и накрыл весьма впечатляющий, внушительный стол, израсходовав почти четверть своих сбережений. Екатерина Сергеевна была решительно против расточительства супруга, но уступила, когда тот сказал, что, может, ему и не пришлось бы стоять тут, посреди комнаты, если бы не Арсен Касенович. Услышав эти слова, принялась хлопотать и Лерка. Мало того, что она следила за Антошкой и Гришкой, но вдобавок колола дрова, варила мясо, ставила самовар, готовила салаты, горячие блюда, нарезала закуски, накрывала на стол, мыла посуду, убиралась и бегала в магазин. Одним словом, делала все, чтобы достойно принять важного гостя и получить одобрение отца. За столом было много съедено и выпито. Много всплыло воспоминаний, в основном горьких. Афанасий Кириллович пару раз прослезился, а под конец и вовсе расплакался, да так, что вся семья бросилась успокаивать. Тем не менее, и посмеялись на славу. Были сказаны последние слова за столом. Вставая, Арсен Касенович вдруг, схватившись за ногу, резко сел обратно на стул. Лицо его исказилось от боли, он весь напрягся. Откинулся на спинку стула, так и не отпустив ногу...

– Саке-е-е! Ай, Саке! Ты что?! Что с тобой?! А ну, отвечай!!! – испугавшись за друга, склонившись над ним и тряся его единственной рукой, вопил Афанасий Кириллович.

– ...Что ты вопишь, в самом деле?.. Неужели ты и вправду думаешь, что смерть меня обходила всю войну, чтобы посмеяться, убив за обеденным столом?.. – корчась от боли и при этом стараясь через силу улыбнуться, процедил сквозь зубы Арсен Касенович.

– Ты даже не смей об этом говорить окаянный, слышишь! Не смей!!! Не сегодня, и не у меня дома! – неподдельно огорчился Афанасий Кириллович.

– Ну, прости родной, не горячись... За меня не беспокойся... Всего-то ногу прихватило! Жить буду, обещаю... Всю войну без царапины и под самый конец – такой «подарок», мол, чтобы всю оставшуюся жизнь помнил... Как будто без этого ранения забудешь!.. – нахмурился брови, сказал Арсен Касенович.

– Помню. 1945-ый, Берлин!

– Он самый... С тех пор и мучает, внезапными приступами...

– А что врачи?

– А что они? Сколько врачей, столько и мнений, столько и рецептов, вариантов лечения, операций... Шабашку ведь никто не отменял, хоть даже и на кону здоровье людей, не говоря

уже про их жизни!.. – Арсен Касенович наконец рассмеялся. – Чем больше людей болеет, тем больше врач выпишет рецептов. Чем больше рецептов, тем больше лекарств продается. Чем больше лекарств продается, тем больше прибыль фармацевтических компаний. Чем больше их прибыль, тем больше они заплатят тому врачу, который отправляет нас в их аптеки... И каждому из них выгодно, чтобы мы были больны! Весь этот мир превратился в один большой бизнес, в котором нет правил, а мы лишь фундамент, на котором он построен...

– И то правда! Хоть и горькая, но чистая правда, – пригорюнился Афанасий Кириллович. Но сразу же, отринув горькие мысли за свой, действительно нуждающийся в справедливости ни в чем неповинный, страдающий народ, произнес: – Да речь не об этом! Не знаю, ну, может, я чем-то смогу сейчас помочь? Давай, хоть разомну, что ли, руками, – Афанасий Кириллович ввиду полученного ранения постоянно пытался себя приучить к использованию слова «руки» в единственном числе, чтобы не заострять внимание и не вызывать к себе чувство жалости у собеседников. И искренне предлагал свою помощь с чуткой заботой, которая шла из глубин сердца.

– Ты большой – на всю страну огромную – молодец, но в этом случае ты бессилен, – Арсен Касенович сделал вид, что не заметил оговорки Афанасия Кирилловича относительно рук. – Здесь, иним⁵, только время – лучший лекарь. А пока оно лечит, позволь спросить тебя? – Арсен Касенович, немного задумчиво, отвел глаза.

– Саке, ты что, опьянел, что ли? – пошутил, но с уважением, Афанасий Кириллович. – Спрашивай, конечно, и без всякого разрешения.

Пока Арсен Касенович собирался с мыслями, вошла Валерия.

– Арсен-байке, давайте я налью вам еще чаю?

– Ой, рахмат, чон рахмат!⁶ – отвечая, протянул Валерии пиалу Арсен Касенович. – Кандай гана татынасың, мен сени көргөндө периште көргөн сыяктанам. Сага ден соолук кызым. Бактылуу бол!⁷

Валерия не знала кыргызского языка. У отца не было времени ее обучить. И смьшлөнности ее тоже никто не учил. Но Валерия, увидев глаза, которые смотрели на нее, и восторг, который в них читался, смекнула, что непонятные слова – это долгожданная похвала, ее вознаграждение за труды. И она не без видимой радости, но с робостью, чуть поклонившись, приняла их, после чего, одарив отца и гостя улыбкой, удалилась.

– Афыке, досум, жылуу кабыл алганың үчүн рахмат. Чай абдан даамдуу, эт болсо жумшак болду. Сенин кең пейил, жүрөгүң таза адам экенинди билип турсам да, баарыбир өзүңдүн мейман достугуң менен таң калтырасың. Бирок, баарынан дагы мени таң калтырганы – бул сенин кызың Валерия болду. Ошол жөнүндө кеп кургум келип турат. Көп ойлонуп, мен бир ойго токтолдум⁸.

– Угуп турам, аксакал⁹, – серьезно сказал Афанасий Кириллович.

– Афыке, балдарыбыздын башын кошсокпу деп ойлонуп жаттым эле, биз дагы жакшы катташып калат элек. Кызыңды менин балама келинчек кылып берсен жакшы болмок. Сен мени билесиң, кызыңды өз кызымдай кабыл алам. Балам кызыңды жакшы карап, капа кылбайт эле¹⁰.

⁵ Иним – братишка (кырг.). Уважительная форма обращения.

⁶ Рахмат, чон рахмат – спасибо, большое спасибо (кырг.).

⁷ «Какая же ты красавица, смотрю на тебя и будто ангела лицезрею. Здоровья тебе, доченька. Будь счастлива!» (кырг.).

⁸ «Афыке, друг мой, спасибо тебе большое за теплый прием. Чай был очень вкусным, а мясо мягким. Ты широкой души человек с огромным сердцем, и хотя я знаю это, ты все равно не перестаешь удивлять меня своим гостеприимством. Но что меня действительно поразило, так это твоя дочь – Валерия. О ней и хочу с тобой поговорить. Я долго размышлял и вот к чему пришел» (кырг.).

⁹ «Слушаю, мудрец» (кырг.).

¹⁰ «Афыке, предлагаю связать наши узы! Выдай свою дочь замуж за моего сына. Не думай, ты меня знаешь, приму твою

– Саке, сен менин жакын адамымсың. Беш жыл бою чогу жүрдүк. Согушта менин жанымда болбосоң, мен туруштук бере алмак эмесмин. Кызымдын бактысында суроо болуп жатса да, сага кантип жок деп айтам? Ачыгын айтсам, мен бул жөнүндө ойлонуп жүрдүм эле, сенин бул сунушуна өтө кубанычта болуп турам. Бирок бир ой гана оюмдан чыкпай койду, бул балдарыбыздын жаш болгондугу. Азырынча биз аларды эч кандай үйлөнтө албайбыз¹¹.

– Туп туура, үйлөнтө албайбыз, а бирок шашылыштын кереги жок. Биз кызыңа иймегибизди илип кетебиз. Качан Валерия он сегиз жашка толгондо, официалдуу түрдө салтанаттуу баш кошуу үлпөтүн өткөрөбүз. Карыларга, туугандарга керек болчу бардык салттарды сактап, ошондон кийин гана кызыңды алып кетебиз¹².

– Сүйлөштүк!¹³

– Соонун андай болсо! Мына бутум дагы оорубай калды¹⁴, – радостно улыбаясь, встал и направился к выходу Арсен Касенович, обнимая за плечо Афанасия Кирилловича, который, в свою очередь, радовался не меньше друга.

дочь в семью как свою. И уж сын мой приглядит за ней, в обиду не даст» (кырг.).

¹¹ «Саке, ты мне и так как родной. Пять лет из одной тарелки *землю* ели. Ты мне как старший брат, как ангел-хранитель. Не будь тебя рядом на войне, я бы не выстоял и сгинул к черту из этой жизни. Как я тебе могу отказать, пусть даже и в вопросе счастья моей дочери? Признаться, я даже рад твоему предложению, поскольку и сам об этом не раз задумывался. Да вот только все упирается в возраст наших детей. Ведь сейчас их никак не поженить» (кырг.).

¹² «Так точно, не поженить, а ведь сейчас и не надо, не готовы. Сейчас мы наденем на нее серьги. А как только Валерии исполнится восемнадцать лет, мы приедем и уже официально проведем положенную церемонию венчания. Соблюдим все обычаи, нужные больше старцам, родственникам и соседям, а после заберем к себе. Идет?» (кырг.).

¹³ «Договорились!» (кырг.).

¹⁴ «Отлично! Вот и нога уже не болит» (кырг.).

XI

Через месяц Арсен Касенович, предварительно уведомив своего друга, приехал в дом Богдановых при полном параде. Были соблюдены все обычаи, сопутствующие этому обряду. Закатали небывалый пир в селе Карл Маркс. Все было в изобилии. Афанасий Кириллович и Екатерина Сергеевна купили лучшее платье, которое смогли найти. Это было первое чудесное платье Валерии, и досталось оно родителям не без труда. Сначала простояли в очереди, несмотря на инвалидность Афанасия Кирилловича. Даже не посмотрели на то, что он ветеран Великой Отечественной войны, даже лязг медалей на парадной форме, которую Афанасий Кириллович надел по такому случаю, не остановил обезумевшую очередь. Такое поведение людей было вызвано дефицитом подобных товаров. А купленное платье и вовсе имелось только в одном экземпляре, поэтому Афанасию Кирилловичу ввиду сложившейся ситуации – праздника дочери, который случается раз в жизни, а может, и из-за нанесенной обиды был вынужден обратиться к высокопоставленным лицам, чтобы вышеупомянутые лица помогли ему в покупке платья. Разумеется, пришлось воспользоваться дружескими связями военных лет, но, несмотря на это, Афанасию Кирилловичу все равно пришлось выложить кругленькую сумму. Когда Афанасий Кириллович получил платье, он был словно ребенок, которому отец, после долгих запретов матери, все же купил мороженное. Он был доволен тем, что его труды на войне дали ему привилегии, что его жертва не осталась забытой и позволила ему проучить бесстыдных наглецов, которые готовы были лечь костью, лишь бы преградить путь победителю.

Положение омрачилось тем, что размер оказался в два раза меньше, чем нужно и платье пришлось Валерии в обтяжку. Пришлось искать умельца, который смог бы привести его в соответствие фигуре. Это оказалось тяжелее, чем приобрести платье, но в последний момент все разрешилось, и человек нашелся. В свою очередь, и Арсен Касенович не пожалел на предстоящее событие трети своего имущества – стада, состоявшего из пятидесяти баранов, тридцать из которых он обменял на превосходные золотые серьги ручной работы с орнаментом на кыргызский лад по краям и с жемчугом посередине. Остальные двадцать баранов плюс некоторые сбережения были потрачены на сладости, подарки и другие мелочи, в том числе и на дорогу из села Бостери до села Карл Маркс.

Ритуал провели с помпой, устроили настоящий праздник. Делали шумиху не без умысла. Товарищи преследовали цель возвестить о том, что Валерия – красавица, которой нет равных, помолвлена, и пытаться покорить ее сердце уже нет смысла. Тилек и Валерия за короткий день, проведенный вместе, успели понравиться друг другу, до такой степени, что даже после расставания они не переставали верить в великую любовь до самых сединок. До такой степени, когда вера шепчет каждому из влюбленных, что им суждено быть вместе всю оставшуюся жизнь. В первые месяцы разлуки каждый из них тосковал по другому, плохо ел и плохо спал. Они не понимали, почему нельзя быть вместе немедленно, прямо сейчас. Ведь весь люд, ради которого соблюдаются все нерушимые испокон веков правила, видят, что они счастливы. Ведь все видят, что они вместе парят в небе, перепрыгивая с одного облака на другое, силясь поймать свое счастье. Ведь шепчется народ, что они не могут скрыть своего внутреннего волнения, держатся за руки, наслаждаются обоюдной близостью. Не доказательство ли то, что от взаимных прикосновений их души млеют?..

И это все звучало, отдаваясь эхом, в каждом из влюбленных.

Не будет лишним сообщить читателю, что Тилек и Валерия разделяли обоюдное недовольство тем, что родители принуждали их подчиняться традициям, обычаям и глупым человеческим правилам, разделившим их берега.

Но ни один родитель не спешил спасать свое чадо. Уже будучи мудрыми в любовных вопросах, они пытались сократить свободное время детей, заняв их чем-нибудь другим, чтобы те не опережали события, но безуспешно.

XII

Время шло. Валерии уже исполнилось семнадцать лет, а она виделась со своим суженым всего лишь семь раз, по разу в год. Но за это время успела привязаться к Тилеку, а тот сумел доказать, что предан только ей. Мысль о том, что она – будущая супруга Тилека, не без помощи ее буйной фантазии и умения абстрагироваться, глубоко проникла в сознание Валерии. Мечты о счастье с Тилеком, словно волны, несли ее, и, купаясь в них, она в своем воображении рисовала картины, где она – заботливая мать и любящая супруга, занятая с утра до ночи хозяйством и детьми, а он – передовой государственный служащий. Ей представлялось, что его работа не даст им часто видеться, но, вопреки всему, она готова была это пережить и привыкнуть к трудностям, если вознаграждением станет сама возможность любить. Валерия была уверена в том, что Тилек ниспослан ей свыше и что она разделит свою жизнь только с ним. Она искренне любила Арсена Касеновича как отца и еще сильнее – Тилека как супруга.

Тилек был одним из первых обожателей Валерии, которые были восхищены ее красотой до сумасшествия. Он любил ее безраздельно, всепоглощающе.

Тилек был единственным сыном, и уже с юных лет ему приходилось помогать отцу по хозяйству. Большую часть своей жизни он провел в горах, присматривая за скотом. Он не понаслышке знал про голод, холод и опасности, свойственные чабанскому ремеслу. С возрастом его кожа загрубела, а трудности закалили характер. Как и все чабаны, Тилек не раз был заложником своих мыслей. Когда скотина стоит на откормке в предгорье, чабану стоит забраться на гору – и все стадо как на ладони. Остается лишь сидеть и думать думу свою, да поглядывать изредка за животными – богатством, которым живут люди в здешних краях. Эти минуты Тилек всегда проводил плодотворно. Размышлял, как сохранить и приумножить скот. Думал о мероприятиях, которые нужно провести, чтобы не замерзла скотина и чтобы пройти зиму без потерь. Не раз обдумывал проблему волков. Но его волновали в основном вопросы благополучия семьи и укрепления хозяйства – до тех пор, пока он не увидел Леру.

Один день, проведенный с нею, изменил все. Тилек негодовал от того, что ему нельзя жениться прямо сейчас и забрать Леру к себе домой в село Бостери немедленно. Он очень любил отца, но невольно злился на него, потому что тот был не в силах устроить немедленный переезд Валерии. Глупая, необоснованная злость присуща подросткам и кроется в их бессилии, отсутствии возможности повлиять на ход событий. Это один из капризов ее величества жизни, когда события складываются не так, как хочется тебе; когда твои старания тщетны, а все попытки поколебать равнодушные весы судьбы не удаются.

Злость Тилека, причину которой он и сам не мог объяснить себе, перешла в тупую, щемящую тоску по Лере. Он стал рассеянным – роскошь непозволительная в чабанском деле. У него стал пропадать скот. Не то чтобы нападения волков участились, скорее их попытки чаще увенчивались успехом.

Валерия стала виною происходящих с Тилеком перемен. Он начал грезить ею. Тилек лепил ее в своем воображении, четко нанося каждый мазок, бережно выводя каждую линию ее существа. Когда он мысленно заканчивал изваяние Валерии в полный рост, подходил к своему творению и обнимал так крепко, что оно лопалось, разлетаясь радужной глиной во все стороны. Он рисовал картины, где совершал ради Леры подвиги, жертвуя собой, отдавал свою жизнь, спасая ее. Но по возвращении в реальность Тилек начинал грустить. Проницательный Арсен Касенович объяснил сыну, что это – естественная реакция мозговой деятельности. И заверил, что всё это временно и обязательно пройдет, также добавил, что и с ним происходило то же самое, когда он встретил его мать. Это немного отвлекло Тилека от тоски по любимой, но взамен пришли грустные воспоминания об умершей матери.

Тилек унаследовал от отца его суровый нрав и характер, помогавший достигать цели, даже когда это казалось невозможным. Эти черты, проявившиеся у Тилека еще в юном возрасте в делах, касающихся хозяйства, весьма радовали Арсена Касеновича. Многих удивляло невероятное внешнее сходство Тилека с отцом: лицо с выдающимися скулами, острый подбородок, нос с горбинкой, тонкие губы, высокий лоб, большие, длинные уши, тонкая шея, густые и кудрявые черные волосы. Он был высок ростом. Имел худошавое, но довольно крепкое тело. Развитая мускулатура позволяла ему перебросить барана через ограду. И, несмотря на постоянно обветренные губы, обгорелые нос и щеки, он был очень привлекательным молодым человеком. Его сдвинутые от постоянных раздумий брови делали его брутальным. Так говорили первые девчата села, которых он видел несколько раз в год и которые были готовы пойти за ним на любую гору и остаться там с ним навсегда. Возможно, так опрометчиво решить свою судьбу девушкам помогали очертания лица Тилека, свидетельствовавшие о его готовности на отчаянные поступки и подвиги.

Арсен Касенович и Афанасий Кириллович после долгих разлук, рассказывая друг другу о состоянии своих детей, не могли нарадоваться их большой и искренней любви. Дети и вправду, учитывая высокий рост Валерии, которому Тилек соответствовал вполне, опережая ее на полголовы, составляли прекрасную пару и очень хорошо смотрелись вместе.

XIII

Пришедший в негодование и, вместе с тем, недоумение Арсен Касенович долго не мог решиться рассказать о случившемся Тилеку, опасаясь, что сын может заболеть. В свою очередь, родители Валерии, в частности Афанасий Кириллович, не сразу рассказали о случившемся Арсену Касеновичу, дорогому другу семьи. Они не могли найти подходящих слов, которые позволили бы в полной мере, но в то же время деликатно, без потери лица, описать историю, поразившую их, будто удар молнии.

Был обычный июньский вечер. Тучи, принесшие дождь, уже спешили скрыться из поля зрения. После прошедшего дождя, духоту, стоявшую без малого три недели, сменила приятная свежесть. В этот день Афанасий Кириллович, направляясь с работы домой, крутя своей единственной рукой руль трактора и ею же прикуривая папиросу, пребывал в небывало приподнятом расположении духа. Когда он въехал на улицу, где проживал, солнце било ему в глаза, заливая кабину трактора ярким светом. Привычный смех ребятишек, играющих на улице, доходил отголосками до его уже по-старчески слабого слуха. Одним словом, день протекал, как обычно, и ничего не предвещало беды.

Подъезжая к дому, Афанасий Кириллович, по заведенному порядку, просигналил, давая детям знать, что нужно открыть ворота. Это были старые деревянные ворота синего цвета с основанием, вкопанным в землю. Со временем земля под тяжестью трактора осела, и ворота накренились назад. Если открыть створки и не придерживать их, они вновь закрывались. И без посторонней помощи въехать во двор на тракторе было уже невозможно. Как правило, учитывая разделение обязанностей в семье, эту функцию выполняли сыновья Антошка и Гришка, которые открывали и придерживали ворота до тех пор, пока трактор не въедет во двор. С учетом их возраста – по двенадцать лет – делали они это с энтузиазмом. И Афанасий Кириллович был немало удивлен, когда никто не выбежал встречать отца семейства, несмотря на неоднократные призывы с его стороны. Простояв несколько минут, он заглушил двигатель и оставил трактор перед воротами. Вошел во двор через дверь, расположенную в правой створке ворот и в этот день распахнутую настежь. Мелочи жизни, как это обычно бывает, сменили его чудесное настроение на несколько раздраженное. И он вошел домой, не снимая грязных сапог, рассчитывая сразу же выйти обратно. В доме он увидел сидевшую на табурете и опершуюся спиной о стену Екатерину Сергеевну с листком бумаги в руках. Та не заметила прихода мужа; сидела неподвижно и просто смотрела в пол.

– Слышь, Сергеевна! Ты там случаем не стихи сочиняешь?! – громко захохотал Афанасий Кириллович, подходя, чтобы поцеловать супругу.

– Проза. Вот только не моя... Дочери твоей, Леры, – не смея поднять глаз, с чувством щемящей тоски, но и с твердостью в голосе, Екатерина Сергеевна положила на стол скомканный и чуть мокрый от слез исписанный листок.

– Ай да молодец дочурка моя, вся в отца! – воскликнул Афанасий Кириллович и все время, пока с жадностью расправлял смятое письмо, не сводил глаз с Екатерины Сергеевны, чувствуя, что что-то тут не так.

Затем он прочел следующее:

Дорогие мои Папа и Мама, я писала это письмо более двух недель и все же не смогла найти слов, чтобы оправдать мой поступок. И, тем не менее, я прошу вас меня простить и поверить в то, что со мной все будет хорошо. Зная, как вы любите меня, я молю Бога, чтобы мой поступок, который вызовет боль в ваших сердцах, не отнял ваше здоровье. Очень прошу вас не переживать за меня.

Я сильно подвела дорогих мне людей, и, несмотря на уже принятое мною решение, эта мысль не дает мне покоя. В свое оправдание, да и в ваше тоже, прошу показать это мое письмо Арсену-байке, которого я люблю как отца. Я более чем уверена, что его боль будет не меньше вашей, и, будучи непростительно виноватой, я глубоко прошу прощения у него.

Тилек, о мой Тилек, прости меня... Прости за надежду, за несбыточные мечты... Ты чудесный, нежный, умный джигит¹⁵, и я просто недостойна тебя! Я уверена, что на мое место придет девушка, которая окружит тебя вечной, неугасающей любовью. Когда я закрываю глаза, предо мной предстает картина, где ты и она, расплываясь в улыбках, скачете на лошадях по предгорью близ твоего дома. Я вижу будущее, в котором после вашего ухода люди сложат о вас легенды. Я слышу грустные звуки комуза и голоса, воспевающие красоту вашей любви – любви, которой будут восхищаться люди всего мира. Я слышу бессмертные песни о любви, сияние которой неподвластно забвению...

Мои любимые братья Антошка – нос картошка и Гришка – наглая мышка, наказываю вам должным образом следить за родителями и помогать им во всем. По приезду проверю, а в случае чего не прощу ни за что и защекочу до смерти.

За меня не волнуйтесь, ведь вы меня уже всему научили. Уезжаю не одна, но имени жениха пока раскрыть не могу. Куда уезжаю – тоже сказать не могу по просьбе моего жениха, скажу лишь, что буду рядом. За свадьбу не сердитесь, как обустроимся, обещаю пригласить. Остального сейчас сообщить не могу, по возможности буду писать. Очень всех вас люблю, прошу меня простить и не винить. Надеюсь увидеться в скором времени.

P.S. Пишу письмо вынужденно, ибо не смею с вами открыто спорить. В последних разговорах с папой я ощутила себя вещью. Мысль, что я уже семь лет принадлежу человеку, который заплатил за меня, убивает меня. Моя судьба с юности была вами predetermined, но я не хочу так... Меня пугает неизвестность, но она же дает мне надежду на лучшее. И, улетая из родного гнезда, я держу курс к неизведанным берегам в надежде найти там свое счастье.

Целую, ваша Лера.

– Это... Это что же... такое? Какая свадьба?.. – Афанасий Кириллович шлепал губами, словно рыба в аквариуме, силясь сдержать нахлынувшие на него чувства, и, наконец, его провало: – Что за проклятый жених?! Кто он?! Откуда взялся?! Куда увозит?! – Вглядываясь в письмо, он будто сам себе задавал вопросы.

Афанасий Кириллович, вновь и вновь перечитывая строки, пытался понять, что же толком произошло. Он тяжело опустился на свободный табурет напротив Екатерины Сергеевны. И через несколько минут выронил письмо из бессильно повисшей руки... Его взгляд остановился на цветке, изображенном на покрывающей стол скатерти. Афанасию Кирилловичу была известна теория о том, что дочери всегда ближе отцу. Он ощущал ее правдивость на протяжении всей своей жизни, с момента первых шагов Валерии и вплоть до ее побега.

Он не имел ни малейшего понятия, где она сейчас и с кем. Афанасий Кириллович силился, но не мог ответить себе, за что она так поступила с родителями. В его голову никак не приходили мысли, что в этой ситуации можно предпринять. Он был подавлен и растерян. Страх потери дочери захватил всецело его существо, а неизвестность, в которой Валерия их оставила, заставила сердце учащенно биться. Афанасий Кириллович, временами покашливая, стал тяжело дышать. Все его попытки успокоиться и разобраться, чтобы понять природу происшедших событий, принять верное решение, окончились крахом.

¹⁵ Джигит (в переводе с тюркских языков – «молодой парень», «юноша», также «молодец») – исторически в Средней Азии и на Кавказе: наездник, отличающийся отвагой, выносливостью, стойкостью, искусством управлять конем и владеть оружием.

Не исключено что Афанасий Кириллович просидел бы так, сокрушаясь в попытках найти ответы на свои вопросы, до вечера завтрашнего дня, если бы не охватившая его неконтролируемая ярость. Он встал так, что табурет опрокинуло. Его брови сдвинулись к переносице, лицо свела судорога, все тело затряслось. Он будто собрался в последний бой, который должен был решить исход всей войны. Глядя на жену, все это время молчавшую, Афанасий Кириллович сквозь зубы процедил:

– Ты знаешь жениха?! – Но Екатерина Сергеевна по-прежнему молчала. Афанасий Кириллович, в нетерпении подойдя к ней, жестко схватил ее за правое плечо и прорычал: – Отвечай!!!

– Нет, не знаю, ничего не знаю! О горе мне, не уследила! Позо-о-ор!.. А-ай, Леронька, позо-о-ор... ты, доченька, нашему дому принесла! – упав на колени, рыдая во весь голос, Екатерина Сергеевна вцепилась в брюки мужа.

– Когда письмо нашла? Как долго ее уже нет дома?! Отвечай!!! – ревел Афанасий Кириллович, но Екатерина Сергеевна была не в состоянии ничего объяснить.

Афанасий Кириллович, силясь высвободиться из объятий жены, нечаянно толкнул ее наземь. Не обращая внимания на упавшую супругу, он решительно удалился по коридору и скрылся в дверях спальни. Екатерина Сергеевна, не переставая плакать навзрыд, попыталась встать, но сил ей хватило лишь на то, чтобы опереться о стену. В момент, когда ей удалось сесть, Афанасий Кириллович уже шел по коридору обратно – с двуствольным охотничьим ружьем. Вид мужа вызвал у Екатерины Сергеевны еще большее потрясение. Она снова изо всех сил попыталась подняться, но, обессиленная, рухнула на пол. Протянув руки вслед уходящему Афанасию Кирилловичу, она с трудом не то прокричала, не то прохрипела: «Стой! Прошу, не надо... Афанасий!..» После чего потеряла сознание. Афанасий Кириллович, выходя из дома, находился в той степени гнева, когда человек уже просто теряет всякий рассудок. Он не понимал ни того, что говорит, ни того, что делает.

– Вот так воспитали! Ай да молодцы!.. Неблагодарная, инакомыслящая! – кричал самому себе Афанасий Кириллович. – «За свадьбу не сердитесь», вы поглядите-ка на нее, убить тебя мало! Погоди у меня, зараза такая! А ведь ты права, Катюша, – позор нашему дому! А позор только кровью смывается! – Он поднял налитые кровью глаза и принял стойку смиренно. – Ну ничего, я сейчас эту сволочь навсегда порешу... а ты, Катюша, не грусти, жди лучше жениха, он-то и будет мыть стены нашего дома кровью нашей дочери! Сейчас, сейчас... Надо все подготовить, тряпку найти ему, не пристало заставлять жениха ждать... Тряпка, тряпка... Да где же ты там лежала?! – ничего не соображая, в бреду суетился Афанасий Кириллович, громыхая в сарае. Найдя тряпку, он сунул ее в карман, схватил ружье и быстрыми шагами направился к трактору. Дойдя, прислонил к заднему колесу ружье, открыл дверь, снова взял оружие и попытался было закинуть его на сидение в кабине, но рука перестала слушаться. Ее еще дома начало будто жечь изнутри, но сперва он не придал этому значение. Жжение быстро перешло в шею. Тело покрылось потом. Затруднилось дыхание. Афанасий Кириллович побледнел. Голова начала резко болеть и одновременно кружиться... И вот, возле трактора, после нескольких попыток закинуть ружье на сидение, грудь Афанасия Кирилловича будто пронзила стрела, и он без чувств упал на землю.

XIV

Для полноты картины считаем необходимым описать предшествующие события.

В тот злосчастный день у Екатерины Сергеевны выдался выходной. Несмотря на усталость, накопленную с годами от надрывного труда, выспаться ей не удалось. С течением времени у людей, в силу специфики деятельности, которой они занимаются, вырабатывается присущий им биоритм, так сказать, внутренние часы. Удивительное свойство человеческого организма на уровне подсознания адаптироваться к образу жизни, который мы ведем, и ко всему, что нас окружает. Оно-то и заставило Екатерину Сергеевну проснуться спозаранку и более уже не засыпать. День был свободным, и планов, как его провести, Екатерина Сергеевна не составляла. Она привыкла всегда работать, поэтому выходной казался ей пыткой. Она не знала, чем занять себя в какое-то чудом появившееся свободное время. Не знала, куда себя деть и что бы еще сделать. В душе она желала, чтобы этот день поскорее закончился и наступил завтрашний рабочий день, который подарит ей возможность вернуться туда, где она нужна и где она точно знает что, как и когда делать. Час, проведенный в раздумьях, чем бы таким заняться, привел к тому, что она стала заложником своих мыслей, которым проиграла. Наступила хандра. Ей стало не по себе. Ее начали обуревать совсем нехорошие думы. Они – как короткий ролик, воспроизводимый нашим мозгом, то есть нами. Но большинству из смертных сюжет, который развивает наш мозг, неподвластен. Именно так и случилось с Екатериной Сергеевной. Ей все казалось, что она попадает в автокатастрофу, что ее с позором выгоняют с работы, что она падает и долго не может подняться. Она поймала себя на мысли, что это гнетущее чувство тревоги, против ее воли, возрастает, и она не в силах избавиться от него. Ее инстинкты подсказывали ей, что она нуждается в чрезвычайно деликатном обществе.

Через пять минут братья-близнецы уже бежали к Алине Сарыгаевне – подруге Екатерины Сергеевны со школьной скамьи, которая последние две недели напрашивалась к ней в гости. Алина Сарыгаевна жила на соседней улице. Окна ее дома и ворота выходили на своего рода неформальный автовокзал – место, где водители организованно поджидали пассажиров. Дом у нее был совсем маленький, выстроенный из самана еще до Великой Отечественной войны, поэтому она почти всегда, особенно летними днями проводила время на улице. Ее участок, как почти и у всех в поселке, был обнесен деревянным забором, выкрашенным в темно-зеленый цвет. При выходе со двора на улицу, справа находилась скамейка, расположенная в тени могучего тополя. Дом Алины Сарыгаевны и еще несколько домов стояли на пригорке. «Автовокзал», расположенный напротив, метрах в пятнадцати, и все подъездные пути были как на ладони. Эта скамейка и вынужденная, по инвалидности, безработица, а также одиночество выработали в Алине Сарыгаевне невероятную внимательность к деталям. Бывало, целый день напролет, вроде как не отвлекаясь, она вяжет свитер своему сыну, а спроси ее о чем – припомнит малейшую деталь, промелькнувшую в поле ее зрения.

Сын Алины Сарыгаевны уехал на заработки за границу и пропал без вести. Вот уже пятый год Алина Сарыгаевна с утра до ночи сживалась на скамье, томясь в ожидании его появления. Искать сына у нее не было ни сил, ни возможности. Единственное, что она могла, – это лелеять надежду на то, что ей хватит уготованного времени, чтобы дождаться. А уж он ее не бросит, в этом она не сомневалась. Скамейка стала ее тюрьмой, а свитер – возможностью скоротать срок. Если бы не крошечная пенсия, Алины Сарыгаевны вообще бы уже не было на этом свете. Одна из многих сестер несчастья – судьба-злодейка пять лет назад накинула свои зверские сети на эту бедную женщину и по сей день потешалась над ее мучениями. Не давала покинуть этот свет, подбрасывая тот минимум, который позволит ее очам, хоть и с трудом, но на утро открыться. Хранила, чтобы обречь на страдания. Воскрешала, чтобы снова подбросить кро-

печный спасительный кусочек хлеба, на который, не шадя, намазывала печаль, горе утраты, и в то же время посыпала сладкой надеждой и бесконечным ожиданием.

«Автовокзал» стал театром Алины Сарыгаевны, а скамейка – местом в партере, с которого видна вся сцена, и восседающий на ней есть лучший актер, безропотно отдающий все силы в пьесе под названием «Казнь».

В половине первого дня дома у Екатерины Сергеевны было все готово, чтобы встретить доброго гостя. Стол накрыт на две персоны, в общем, для обычного обеда. Но, несмотря на это, дабы уважить соседку, Екатерина Сергеевна постаралась на совесть. Все было сделано так, чтобы Алина Сарыгаевна не заметила жалость по отношению к себе. На столе можно было увидеть четыре очень красивые хрустальные вазы, узоры которых в нескольких местах были столь затейливы, что создавали впечатление ручной работы. В две из них было налито малиновое варенье, в остальные – мед. Сахар был насыпан в обычную металлическую чашку, за отсутствием более пригодной посуды. Буханка хлеба нарезана и уложена с левого края на столе. В центре стояла кастрюля с борщом.

Уже в четверть второго Алина Сарыгаевна, находившаяся в хорошем расположении духа, сидела в гостиной комнате, неспешно смакуя малиновое варенье с чаем и беседуя обо всем, что накопилось в их непростой женской жизни.

– Катька, родненькая, спасибо тебе большое, что уважила бедную женщину, – как бы между прочим, но искренне проговорила Алина Сарыгаевна.

– Да на здоровье, на здоровье... Брось ты благодарить... Эти любезности... Что мы с тобой, в конце концов, чужие друг другу люди, что ли? – поругивала с любовью гостью Екатерина Сергеевна. – Ты лучше о себе, своей жизни расскажи.

– Я бы и рада, да вот только ничего радужного в ней не найдешь... – Алина Сарыгаевна на пути к Екатерине Сергеевне дала себе слово: что бы ни случилось, не омрачать обеда, но, учитывая одиночество и состояние, в котором она находилась все эти годы, это оказалось выше ее сил. – Ты говоришь, жизнь? Ее не стало, когда сын оставил свою мать... Все тем же горем живу... Ты ведь – да и весь поселок знает об этом... Он уехал на заработки, а мое богатство приуменьшил... Лишил очей моих отрады, которою был... Вот и сижу целыми днями, слежу за автобусами, лелея надежду, что однажды – не сегодня, так завтра из дверей выйдет сын мой и крикнет издали: «Мама!», в мгновение ока окрасив мою жизнь и мир вокруг разноцветными красками. Или же смерть постучится в двери мои и крикнет: «Пора!»; и конец мучениям. – Увидев опечаленное состояние, в которое пришла Екатерина Сергеевна от услышанного, Алина Сарыгаевна резко сменила тему: – А борщ у тебя отменный, как всегда! Кстати, рецепт ведь обещала? Все не раскроешь, и правильно... Не дело, если у каждого он будет вкусный, а так хоть ценить будут твое приглашение, напрашиваться и ждать, чтобы борща откусать, – улыбнулась она.

– Ты уж извини, Сарыгаевна, дорогая, что так долго не могла пригласить, сама знаешь – работа у нас, как у волков жизнь. Вот выдался выходной, так сразу тебя и позвала, сама соскучилась. Эх, вот бы, как у людей, – в неделю раз выходной, представляешь, Сарыгаевна, в неделю раз бы виделись, а не как сейчас – раз в полгода, да и то по праздникам! Теперь, когда уж еще выдастся выходной, не знаю, – притворялась Екатерина Сергеевна, чтоб не обидеть гостью. – А вот с сыном твоим, конечно, очень печальная история, прямо душу разрывает... Так и нет от него весточки?

– Да откуда уж там... Ни звонка, ни строчки, ни каких-либо известий... Как сказал его товарищ, с которым он ездил на заработки в Ростовскую область, в Российскую Федерацию, и который его же впоследствии по моей просьбе и искал: «Исчез бесследно».

– Товарищ? Это какой такой товарищ? – удивилась Екатерина Сергеевна, которая была плохо осведомлена обо всех подробностях истории, случившейся с сыном Алины Сарыгаевны.

– Так ведь Мухтарчик мой уехал с сыном Каганского Владимира – наш одноклассник, помнишь? В начале села дом у них еще такой, с синими окнами, воротами и забором на новый лад, который они продали в прошлом году Шаршеновым, помнишь?

– Ах, да припоминаю! Так ведь, насколько я знаю, не было у него сына?

– Так я тоже так думала, да вот только есть, оказывается... Сергеем зовут. Он приезжал раньше временами, навещал отца. Пока не переехал сюда жить насовсем. Устроился на лодки рыболовом, где Мухтарчик мой работал, вот и сдружились, прямо не разлей вода стали. Да вот только месяца через три приходит Мухтарчик и говорит: «Мама, я уезжаю ненадолго, на заработки, с Сережкой». Как в воду глядела, предвидела душа моя материнская предстоящие муки! Ну я и не соглашалась, доходило до того, что ругались мы неделями... Ах, чувствовало мое сердце, да еще это слово «ненадолго» так и бьется во мне, отдается бесконечным эхом и никак не вылетит, не оставит в покое! Но не смогла я его остановить... Вот жил ведь спокойно до этого Сережки, а как он приехал – Мухтарчик как с цепи сорвался: «Мама, живем мы с тобой в нищете, ты посмотри, какой дом у нас, развалится скоро»; «Мама, надо что-то делать, как-то исправлять свою жизнь, брать в руки свою судьбу»; «Мама, ты ведь самая лучшая у меня, вот увидишь, как приеду с карманами, набитыми деньгами, так мы с тобой такой дом построим, в который не стыдно будет ни гостей позвать, ни невесту привести»... С тем и уехал. Год без вестей, два. К Каганскому ходила, он в таком же положении, как и я, ничего не знает. А на третий год приезжает его сын Сергей, весь такой чистенький, опрятный – прямо до тошноты, в белом костюмчике в полоску, будто на праздник пришел, и говорит, что работали все эти годы на угольной шахте. Затем якобы он, Сергей этот, заболел тяжело и за отсутствием больниц, способных вылечить, его отправили на юг Российской Федерации, так сказать, на лечение. А когда воротился, Мухтарчика уже не было. Коллеги сказали, что уехал на север с начальством, которое, к слову, тоже как в воду кануло. Так и пропал мой Мухтарка... И ни дома, ни невесты... – Алина Сарыгаевна всхлипнула, а когда Екатерина Сергеевна, подойдя, обняла ее, не удержавшись, по-настоящему горько заплакала.

Екатерина Сергеевна тоже прослезилась. Но чуть погодя обе успокоились. Алина Сарыгаевна первой нарушила молчание:

– Ты уж прости, я не... – не закончила она.

– Нет-нет, это ты меня прости! Я во всем виновата, не стоило поднимать эту тему. Знаю – много лет прошло, да вот только любовь к детям не имеет срока давности. И тебе всегда будет больно, несмотря на то, с каким ты достоинством держишься.

– Ты права... а ведь какой борщ у тебя вкусный! – снова заплавав от услышанного, уже прямо, чтобы не казаться жалкой, попыталась сменить тему Алина Сарыгаевна.

– Ну, успокойся, хватит, я тебе говорю, а то я сейчас тоже снова заплачу... Лучше вот что: ты почаще к нам приходи. Коли меня не будет, Лерка, знаешь, какие мясные пироги готовит? Да и не только пироги, сладости разные.

– Да, я слышала про ее вкусности, уж никак легенды про них пошли, – вытерев слезы и улыбнувшись, сказала Алина Сарыгаевна. – Да и не только про вкусности, – подмигнула она Екатерине Сергеевне.

– Ты это про что?

– Ну, если хочешь, притворяйся, а я все равно никому бы твой секрет не рассказала, – снова подмигнула Алина Сарыгаевна.

– Я не понимаю, про что ты говоришь, расскажи уже скорей, – в искреннем недоумении вопрошала Екатерина Сергеевна.

– А джигит ее видный парень, ну прям очень. Высокий, плечистый, рыжие волосы, а сам светлый, как принц из сказок! – улыбалась Алина Сарыгаевна, довольная своими, как она думала, тонкими комплиментами.

– Вот, Сарыгаевна, пришла бы тогда на праздник сватовства и не гадала бы сейчас, какой он из себя! Ах, эти слухи, слухи, что же они делают с действительностью? Вот как будто платят людям за то, что они распускают их. А, впрочем, так и есть, он плечист, высок, да вот только он совсем не принц – он сын чабана, волосы у него черные, как смола, и сам он смугл, почти как арап, – и Екатерина Сергеевна от всей души рассмеялась сказанной ею же шутке. – Ну, представила?..

– Да брось ты, Катюша, все до последнего правду кроешь! Ну, воля твоя. Знаю, что без надобности не обидишь. На праздник, сама знаешь, по какой причине не пришла – болела. А жениха все равно своими глазами видела, сегодня на «автовокзале» до твоего приглашения сидела на скамейке и видела, как он увозит ее. Знаю, древняя традиция у них такая – невесту красть. Не первый день здесь живу. А ведь молодцы, берегут традиции! А мы свои традиции почти утратили, оттого что стесняемся их, не ценим, не бережем, не дорожим... А ведь в них наше наследие заключено! Да и самих нас вон как раскидало.

– Аха-ха, Сарыгаевна как скажешь тоже! – смеялась Екатерина Сергеевна. – Есть такая у них традиция – да вот только заранее договорено было, что с рук заберут невесту. Кстати, этим летом, но позже, в конце. А ты сегодня видела ее поездку на картошку, она ведь окончила школу в этом году, и класс ее едет на природу. Она накануне, при мне, спрашивала дозволения у Афанасия, – продолжая временами посмеиваться, рассказывала Екатерина Сергеевна.

– Так ведь Леронька за руки держалась с этим джигитом, который вместе с ней в автобус сел, вот я и подумала, что любовь, – тоже улыбнулась Алина Сарыгаевна и с задумчивым видом продолжала: – К тому же из тех, кто сел в автобус, их только двое было молодых, остальные взрослые. Что же они, только вдвоем на природу поехали из класса? Да и маршрут автобуса знаю, там пятьдесят километров по грязи, и нет там никакой природы.

– Да сейчас такое время, сколько не бейся, все равно не уследишь за нравами молодежи. Вот мы с тобой вверх поехали бы, повыше, где трава, чисто и свежо, где душа и мозги отдыхают, а им, может, грязь, пыль и выхлопные газы подавай. Другие они, быть может, в том наша вина? А может, мир виноват? Его уклад жизни, который все быстрее становится, его машины, техника эта, прогресс... Меняются взгляды, интересы, развлечения. Эх, скучаю по старым временам, а к новым не могу никак привыкнуть. Да и привыкнешь только – опять что-то меняется, вот и привыкай снова и снова, и не видно конца этим изменениям! И время не на нашей стороне, его ни остановить, ни воротить и ни ускорить... Вот вроде вчера только родила, а уже замуж, в другой дом уходит, представляешь? Так и не успела ничему толком ее научить, ну ничего, муж научит, а не он, так жизнь научит!

– Ты не переживай, Сергеевна, время все перетрет; научится, привыкнет, куда денется? Там глядишь, опытной станет и сама сориентируется, как дальше жить, чему быть, а чему не быть... Главное, чтобы у Бога в милости была! А в немилость попадет – так он на награды добрым людям скуп. Хоть меня взять, всю жизнь праведно жила, даже мыслей не было постыдных, веру свою до последнего как зеницу ока хранила. А он что? В награду горем наградил, дай, думаю, посмотрю, насколько вера ее сильна. Да вот только перешел черту, и чашу пустую разом переполнил... Столько лет прошло, с ним давно распрощалась, а наказание его – надежда, в груди моей все гнездится, и ничего не могу с этим поделать. А ведь надежда – эта эмоция, которая спасает по всему миру столько людей, помогает им не сдаваться в ситуациях, когда кажется, что все уже потеряно! Надежда, оправдывающая ожидание, явилась для меня проклятием, которое убивает изнутри. За что он так со мной? Зачем надежду вселил в меня, когда я больше всего на свете жажду сдаться, избавиться от нестерпимой боли?! Как он не поймет, что я давно молю о пощаде? За что шлет он на меня столь невыносимое испытание?.. Чем же я заслужила такую судьбу: одинокое сумасшествие, лишенное счастья увидеть внуков?.. – Алина Сарыгаевна едва сдерживала слезы. Временами голос ее обрывался. Она бы

определенно не расчувствовалась так, если бы речь не зашла о внуках, которых она видела в своих снах, но которых еще не было наяву...

Екатерина Сергеевна была растрогана до чрезвычайности. В ней разыгралось чувство жалости, и глаза увлажнились. Она бросилась к Алине Сарыгаевне, крепко прижала ту к себе и, не переставая целовать, попыталась успокоить.

– Ну-ну!.. Ах, бедняжка... Ох, уж эта проклятая жизнь! За что он так жесток с нами? Ах, Алинка, бедняжка моя... Держись, моя дорогая!..

Спустя минут пять и не без усилия с каждой стороны наступило тяжелое и неловкое молчание. Нужно отметить, что Алина Сарыгаевна, несмотря на горе и все сопутствующие ему пятилетние переживания, которые и стали причиной сегодняшней несдержанности, все же, как это обычно бывает чуть погодя, вскоре устыдилась своего поведения и даже возненавидела себя за проявленную минутную слабость.

– Ты уж прости свою малодушную подругу!.. – извинилась она, искренне веруя, что обед испорчен окончательно и бесповоротно.

– Не смей, не смей так говорить! Я тебе запрещаю, слышишь? О каком малодушии ты говоришь? Не дай Боже кому столкнуться с таким горем, никто не выдержит! Случись со мной такое, я бы померла на месте немедля... Или потеряла бы рассудок, когда ничто уже не волнует... Ах, за что так случилось? И ведь именно с тобой – с самой набожной, самой доброй и самой не заслужившей этого горя! Кругом ведь негодяи, воры, убийцы, преступники, обманщики, и заслуживших горе более, чем ты, полным-полно!.. Ах, ну за что так случилось? За что такая несправедливость?!

Екатерина Сергеевна, заметив, что слова ее действуют не совсем в нужном русле, заставляя Алину Сарыгаевну еще более предаваться травмирующему душу настроению, попыталась сменить тему.

– Ну, хватит, Алинка, довольно погрустили! Не будем более сегодня. Давай лучше чай пить с сайками, а? Сейчас принесу. – Екатерина Сергеевна быстро удалилась в другую комнату, где лежали булочки, и уже оттуда крикнула: – Сайки, знаешь какие? Прелесть! Свежей выпечки! Антошка с Гришкой с утра за ними бегали – так только к обеду вернулись, очередь, говорят, была чуть не тридцать человек. Ты смотри-ка, до сих пор тепло сохранили! Так, сейчас в булочницу сложим – и на стол...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.